

Рейн Таагепера и Мэтью С. Шугарт

ОПИСАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

(Chapters from *Seats and Votes: Effects and Determinants of Electoral Systems* by Rein Taagepera and Matthew Soberg Shugart, Copyright © 1989. Translated and published by permission of Yale University Press)

Почему следует изучать избирательные системы?

В 1970 г. на пост президента Чили баллотировались три кандидата. Социалист Сальвадор Альенде с небольшим перевесом победил центристского и правого кандидатов, хотя доля поданных за него голосов не превышала 36.3%. Программа Альенде предусматривала осуществление широких социальных преобразований. Но он пользовался лишь ограниченной поддержкой со стороны общества, и в этих условиях попытка радикальных изменений закончилась плачевно. Центристы были отчуждены от правительства до такой степени, что пошли на молчаливую поддержку военного переворота. В результате установилась кровавая диктатура.

История могла бы сложиться по-иному, имей Чили другую избирательную систему. По чилийской традиции, парламент обязан был подтвердить избрание кандидата, получившего самое большое число голосов, хотя доля избирателей, для которых Альенде был наименее желательной кандидатурой, превышала половину. В некоторых странах для избрания нужно набрать абсолютное большинство — свыше 50 % — голосов. Абсолютное большинство складывается в ходе второго тура выборов, в котором участвуют два кандидата, вышедшие вперед по числу голосов в первом. Если бы в Чили действовала такая система, от участия во втором туре был бы отстранен кандидат-центрист, так что избирателям пришлось бы выбирать между правым и левым кандидатами. И если бы большинство сторонников центриста проголосовало за представителя правых, именно он бы и выиграл, к разочарованию левых избирателей. Однако вместо второго раунда можно было бы позволить избирателям отмечать на бюллетене свои вторые

предпочтения. В этом случае центрист, скорее всего, был бы вторым предпочтением как многих правых, так и левых, и тогда страна имела бы президента, приемлемого для всех — пусть и наполовину. Мораль этой истории состоит не в том, что один из перечисленных методов или результатов лучше других, а в том, что избирательная система — действительно важный фактор. В зависимости от правил, *одинаковые* распределения голосов могли привести к избранию левого, центристского или правого президента.

Как будет показано ниже, особенности избирательной системы способны повлечь за собой и более широкие последствия — от раскола партии до распада страны. В то же время, поменять избирательные правила легче, чем многие другие составляющие политического устройства. Поэтому избирательная система — весьма многообещающее поле для «политической инженерии», хотя легкость изменения правил игры и не следует преувеличивать (об этом также пойдет речь ниже). Наконец, изучение избирательных систем отличается от многих других аспектов политической науки тем, что оно легко допускает количественное моделирование, так как данные (голоса, места и т.д.) поступают в виде чисел. Все это говорит о том, что данная тематика представляет большой теоретический интерес, даже если не принимать во внимание манипуляции существующими системами.

Правила выборов могут привести к расколу партии — или даже страны

В 1929 г. Либеральная партия Великобритании набрала на выборах 23.4% голосов; но ввиду того, что действовавшие избирательные правила сократили долю парламентских мест, полученных партией, до 10 %, поданные за нее голоса неожиданно оказались «потраченными зря». Отчасти по этой причине на следующих выборах лишь 7 % избирателей проголосовали за либералов, а доля полученных либералами мест практически приблизилась к нулю. Так, Либеральная партия, в течение столетия игравшая ведущую роль на политической арене страны, по меньшей мере на следующие пятьдесят лет была обречена на прозябание.

На выборах 1933 г. Прогрессивная партия Исландии получила почти такую же долю голосов, как и потерпевшие крах британские либералы четыремя годами раньше — 23.9 %. Но доля мест, доставшихся исландским прогрессистам, была не меньше, а больше доли голосов — 33.2 %. В результате партия приобрела ведущую роль в политической жизни страны. Различие состояло в правилах выборов и способах нарезки избирательных округов. Как видим,

одинаковые доли набранных на выборах голосов дали британским либералам и исландским прогрессистам отнюдь не равный доступ к парламентским местам и политической власти.

Приведенные примеры позволяют выявить некоторые общие закономерности электорального процесса. Результаты выборов зависят не только от народного волеизъявления, но и от правил. Идет ли речь о единственном «месте» президента или о многих местах в общегосударственных и местных законодательных собраниях, правила распределения мест, применяемые в разных странах — или даже в разных частях одной страны — различны. Ключевыми являются вопросы об учете голосов и распределении мест. Некоторые избирательные системы создают преимущества для одной или двух крупнейших партий, так что третьи партии теряют места и со временем утрачивают политическое значение (как случилось с британскими либералами). Но другие избирательные системы дают малым партиям право на парламентское представительство в соответствии с долей полученных ими голосов. В результате места оказываются распределенными между таким количеством партий, что правительство может иметь только коалиционный характер (как происходит в Исландии).

Иногда правила выборов, в течение длительного времени не вызывавшие особых нареканий, неожиданно заводят в тупик и становятся причиной беспорядков, как в Чили. Утверждают, например, что приходу Гитлера к власти в Германии способствовала действовавшая в стране избирательная система, которая поощряла возникновение множества партий — а это не только раздражало людей, но и порождало симпатии к идее сильного общенационального вождя. Хотя подобная интерпретация связи между электоральными нормами Веймарской республики и политическим успехом Гитлера не бесспорна, заслуживает внимания сама мысль о том, что правила выборов чреваты серьезными последствиями для отдельных стран, их соседей и даже всего мира. В любом случае опыт Германии еще раз показывает, насколько важно правильно понимать эффекты избирательных систем и результаты, вызываемые их изменением.

Способ определения победителей и распределения мест действительно важен. Разные страны прибегают к разным способам. Почему бы не определить лучшую избирательную систему и не применять только ее? К сожалению, совершенной системы не существует. Все зависит от того, какие результаты нужно получить. Некоторые страны используют пропорциональную систему (ПС), когда места распределяются пропорционально числу полученных голосов; но возникающие в результате коалиционные правительства

иногда нестабильны. Для некоторых стран важнее стабильное правление крупнейшей партии, даже если она получила меньше 50 % голосов. Но тогда под угрозой оказывается парламентское представительство важных меньшинств.

Некоторым странам удается опровергнуть пословицу «за двумя зайцами сразу не угнаться»: например, в Австрии пропорциональное представительство долгое время сочеталось со стабильным правлением одной партии. У иных же не получается ни одного, ни другого: там нет ни ПС, ни правительственной стабильности. Разумеется, чаще всего нестабильность никак не связана с электоральными правилами. Однако иногда такая связь прослеживается. Бывает и так, что ясное представление о том, какая избирательная система лучше подходит для страны, вообще отсутствует: принимаются какие-то правила, но результаты их применения далеки от ожидаемых. Это — как раз тот случай, когда систематическое изучение избирательных систем и их последствий является особенно важным и полезным.

Наиболее подвижная составляющая политической системы

По сравнению с другими элементами политической системы, электоральными правилами легче всего манипулировать в политических целях.¹ Имеется в виду не то, что избирательную систему легко изменить, а то, что остальные элементы системы изменить еще сложнее.

У нас имеются некие представления о том, как изменить избирательную систему, чтобы добиться более пропорционального представительства, или свести на нет роль малых партий, или усилить крупнейшую партию. Разумеется, столь противоречащих друг другу целей нельзя достичь одновременно, но можно найти какую-то подходящую комбинацию. Утвержденные соответствующими властными органами (например, законодательным собранием) новые правила будут применены на практике, что позволит нам оценить результаты. Если они неудовлетворительны, можно предпринять новую попытку. В противоположность этому, многие аспекты политической системы — например, политические предпочтения народа — нельзя изменить по воле парламента: либо выяснится, что решения такого рода невозможно претворить в жизнь; либо результат окажется противоположным ожидаемому (как это случилось с американским «сухим законом»); либо просто будет непонятно, каковы реальные последствия новых правил. Вот почему избирательные системы,

казалось бы, должны относительно легко поддаваться изменениям. И все же абсолютной свободы в выборе избирательных систем не существует. Свобода в данном случае ограничена местными политическими условиями и традициями. Предположим, что возникла новая страна, причем ее политическая элита раскололась на большое количество партий. Тогда для принятия закона о выборах потребуется поддержка многих партий, некоторые из которых очень малы. Такие партии вряд ли поддержат избирательный закон, дающий преимущества большим партиям за счет малых и ограничивающий шансы последних на выживание. Если же, наоборот, в политической жизни страны преобладают одна или две крупнейшие партии, у них не будет ни малейшего стимула вводить в стране пропорциональную систему, позволяющую малым партиям встать на ноги, но при этом сдерживающую силу больших партий.

То же самое относится к реформе избирательной системы. Чтобы провести такую реформу, обычно требуется одобрение членов парламента. Но это — те самые люди, которым действующая избирательная система уже сослужила добрую службу. Зачем им стремиться к изменению системы, благодаря которой они достигли своего нынешнего положения? Британские либералы поддерживают реформу избирательной системы именно потому, что действующие правила им невыгодны. Но у ведущих партий, приобретающих парламентские места за счет либералов, нет причин для беспокойства. Можно даже заподозрить, что если бы либералам удалось стать одной из двух ведущих партий страны, их интерес к реформе избирательной системы быстро угас бы.

Таким образом, избирательные системы весьма инертны. Большинство стран до сих пор придерживаются правил, введенных одновременно со всеобщим избирательным правом. Иногда корни инерции уходят еще глубже. В стране с отчетливым расслоением населения по религиозному признаку — например, на католиков, протестантов и мусульман — особенно если это расслоение играет важную политическую роль, могут возникнуть три соответствующим образом ориентированные партии. В этих условиях глупо было бы принимать избирательную систему, дающую преимущества крупнейшей партии. Ведь тогда две религиозные группы были бы постоянно лишены должного представительства, что чревато беспорядками или даже гражданской войной.

Тем не менее есть примеры реформирования избирательных систем. Серьезной корректировке подверглись электоральные формулы во Франции в 1958 г. и в Северной Ирландии в 1973 г. В 1982 г. была

осуществлена довольно радикальная реформа правил проведения выборов в верхнюю палату японского парламента. С 1960 г. поменялись избирательные системы Австрии и Швеции. Активное обсуждение проектов реформ шло и во многих других странах.

Розеттский камень?

Изучение избирательных систем важно не только в плане «политической инженерии», но и потому, что оно способно оказать большое воздействие на развитие квантитативного подхода в политической науке в целом. При изучении избирательных систем, в отличие от других политических феноменов, в нашем распоряжении имеется немало достоверных количественных данных: количества голосов, мест, избирательных округов и т.д. Поэтому данная субдисциплина позволяет в более широком объеме прибегать к методам, обычным для устоявшихся отраслей научного знания. В этом смысле изучение избирательных систем могло бы сыграть роль Розеттского камня для других направлений политической науки. Для развития квантитативного подхода в политической науке голоса были бы тем же, чем стала «масса» для физики или «деньги» для экономики — поддающимися точному измерению количественными единицами. Нам предстоит убедиться, что на основе таких относительно легко поддающихся определению и измерению единиц, как голоса и места, можно операционализировать и более сложные понятия вроде числа партий. А дополняя число партий длительностью существования правительств и числом проблемных измерений, мы можем поставить изучение политики на более строгую математическую основу. В конечном счете этот процесс может распространиться на все родственные отрасли политического знания.

Общие характеристики избирательных систем

Практика выборов широко распространена в современном мире. Принято считать, что их цель — дать «народу» возможность выражать свою волю и выбирать собственных лидеров и представителей. В то же время, эта практика имеет относительно недавнее происхождение. Всего пару веков назад выборов почти не было, и даже сто лет назад лишь очень немногие люди в очень немногих странах имели право участвовать в выборах. Сегодня выборы проводятся в большинстве стран, но их формы, методы и результаты весьма различны.

Выборы с реальным выбором и без него

Разница между наличием и отсутствием выбора имеет фундаментальный характер. При наличии выбора избирателю предлагается выразить предпочтение одному из нескольких кандидатов или программ. Широта выбора зависит от условий. В некоторых странах кандидаты придерживаются самого широкого спектра воззрений или идеологий — фашистской, реакционной, консервативной, либеральной, социалистической, коммунистической. В других случаях приходится выбирать между двумя кандидатами-«центристами», похожими друг на друга во всех отношениях, кроме личных качеств и названий представляемых ими партий. Есть, наконец, страны (например, Танзания), где однопартийная система заставляет кандидатов придерживаться одной и той же идеологии, но при этом они соперничают друг с другом за голоса избирателей.

Даже если выбор достаточно широк, некоторые кандидаты могут быть поставлены в привилегированное положение, пользуясь явными преимуществами в денежных средствах или в доступе к государственному радио и телевидению. Но несмотря на такое неравенство, какой-то выбор все же остается. Если избиратели и правда «сыты по горло» богатеem, тратящим на свою кампанию миллионы, они найдут, за кого еще можно проголосовать. И если они «сыты по горло» продажным начальником, вновь выдвигающим свою кандидатуру от единственной легальной партии, они отдадут свои голоса за молодого, малоизвестного кандидата от той же партии.

Выборы без выбора означают, что на суд избирателя выносятся лишь один кандидат или только одна проблема. Можно проголосовать лишь «за» или «против». Если голосование идет по проблеме (как это бывает на референдумах), то отсутствие выбора не выходит за рамки нормы. Можно, например, предложить избирателям высказаться за или против изменения конституции. Такова же ситуация, когда нужно выбрать лучший из двух вариантов — например, монархию или республику: по существу, и тогда избирателю предстоит высказаться за или против существующей системы. Если бы на референдумы выносились более сложные наборы вариантов, то результаты волеизъявления с трудом поддавались бы интерпретации, ибо возможно, что ни один из вариантов не получил бы поддержки большинства избирателей.

В некоторых странах подход по принципу «да или нет» используется при выборах представительных собраний и лидеров. Правящая партия или «народный фронт», действующий под ее

руководством, выдвигает одного кандидата на каждую выборную позицию. Конкуренция между кандидатами отсутствует. Именно так обстояло дело в Советском Союзе, где незаполненный бюллетень рассматривался как голосование за официального кандидата (см. White, 1985). Чтобы проголосовать против, нужно было вычеркнуть имя из бюллетеня. На это шли немногие, потому что процедура голосования против была более сложной, могла вызвать подозрения со стороны властей и при том не несла удовлетворения самому избирателю, ну, хорошо, он выказался против нежелательного кандидата, но *за* кого же он проголосовал? Подобная практика может соответствовать природе референдумов, но не выборов: ведь она позволяет одобрить или не одобрить правящую группу, но выразить поддержку кому-то другому невозможно. Фактически же и неодобрение правящей группы дается с трудом, особенно если учесть, что именно она монополизировала процесс подсчета голосов. (В СССР избирателям был впервые предложен ограниченный выбор между кандидатами лишь на местных выборах 1987 г.).

Даже системы, формально являющиеся многопартийными, не всегда предоставляют избирателям право выбора. Иногда в целях создания благопристойного фасада правящая партия допускает существование второстепенных (как это было в Польше). В немногих округах, закрепленных за такими партиями, правящая партия просто не выставляет своих кандидатов.

Один из наиболее оригинальных способов сочетать не полностью безальтернативные выборы с авторитарным режимом был изобретен на Тайване. Парламент страны, объявленный правящей партией Тайваня общекитайским, насчитывал 314 мест, из которых лишь 72 оспаривались на выборах. 72 выборных парламентария представляли округа, реально находившиеся под властью тайваньского правительства. Остальные 242 места были зарезервированы за территориями, которыми «временно» завладел пекинский коммунистический режим. Поскольку же провести выборы на этих территориях было невозможно, правительство само назначало их представителей. В результате правительство Тайваня контролировало гигантское большинство мест в парламенте, прибегая для оправдания этой практики к тем же аргументам, которые использовались для легитимации режима в целом <...>

В настоящей работе рассматриваются лишь выборы с выбором. В дальнейшем мы остановимся на показателях или методах анализа, на основе которых можно было бы исследовать и случаи выборов без выбора. Наличие выбора вовсе не обязательно позволяет характеризовать выборы как свободные и честные (как бы мы ни определяли эти туманные понятия). Могут, например, налагаться

ограничения на идеологические ориентации кандидатов: в одних странах к участию в выборах допускаются только несоциалистические партии, в то время как в других выдвигаются лишь кандидатуры социалистов. Возможны ограничения и другого порядка — скажем, избирательное право может быть неравным в зависимости от пола, классовой или расовой принадлежности (такую практику ярко иллюстрирует опыт ЮАР). Главное для настоящей работы — это способы, какими голоса конвертируются в места. Нас не интересует, насколько действительны голоса как таковые.

Процедуры голосования

Структура бюллетеня и механика голосования Бюллетени, выдаваемые избирателям, могут быть очень простыми, но могут быть и очень сложными по структуре. Выборы бывают одноуровневыми (скажем, президентские выборы) и многоуровневыми (включающими в себя выборы президента, членов верхней и нижней палат парламента, местных законодателей, судей и т.д.). В последнем случае избирателю может быть предоставлено право выбрать одну из нескольких партий и тем самым автоматически проголосовать за всех ее кандидатов (Венесуэла), но бывает и так, что на каждом из уровней голосования нужно делать отдельный выбор (США). Бюллетени могут включать только названия партий или только имена кандидатов, но встречаются промежуточные и смешанные варианты.

Что касается механики голосования, то нередко дело представляется так, будто существует лишь один единственный способ — традиционный бумажный бюллетень, в котором избиратель ставит крестик или галочку напротив фамилии предпочитаемого кандидата. На самом деле, голосовать можно самыми разными способами — кидать в урну разноцветные камешки, давить на рычаги или нажимать на кнопки электронного устройства. Эффекты этих процедур различны как с психологической точки зрения, так и с точки зрения происходящих при их использовании ошибок (например, если давят не на тот рычаг). Кроме того, они в разной мере допускают нарушение (реальное или воображаемое) тайны голосования.

Тайна голосования очень важна. В некоторых странах избиратели обязаны заполнять бюллетень в изолированной кабинке, в то время как в других не только приемлемо, но и поощряется публичное заполнение бюллетеня. (Смысл такой практики очевиден при выборах без выбора, когда незаполненный бюллетень

приравнивается к голосованию «за».) Иногда избиратель сам опускает бюллетень в урну, но бывает и так, что бюллетень нужно отдать чиновнику, который опускает его в урну в присутствии избирателя. Бюллетени могут быть нумерованными или нет. Предположим, избиратель знает наверняка, что за происходящим в кабинке для голосования нет секретного наблюдения, что машины для голосования — без подвоха, что нельзя дознаться о его предпочтениях по номеру на бюллетене, что присутствующие чиновники политически нейтральны, и никому нет дела, голосует ли он в кабинке или на глазах у всех. Тогда все эти детали могут казаться незначительными. Но если правящая партия всерьез намерена остаться у власти любой ценой, то любое несоблюдение тайны голосования — лишний стимул проголосовать за нее. Более подробное обсуждение этих вопросов выходит за рамки тематики настоящей работы, рассматривающей в основном то, что происходит с уже поданными и подсчитанными голосами.

Категорический и ординальный бюллетень. Понятия категорического и ординального бюллетеня были введены Д.Рэ (Rae, 1967). Голосование называют категорическим, если избиратель имеет право выбрать лишь одну партию или одного кандидата из числа претендующих на определенный пост. Голосование называют ординальным, если избиратель может ранжировать партии или кандидатов. При таком порядке избиратель имеет возможность показать, что хотя кандидат В — его первый выбор, при поражении этого кандидата избиратель предпочел бы видеть победителем кандидата С, а не А. В противоположность этому, категорический бюллетень ставит избирателя перед дилеммой: если он проголосует за пользующегося его личным предпочтением, но, похоже, непопулярного кандидата В, то победителем может оказаться А, а это — наихудший из возможных результатов; избежать его можно лишь путем голосования за более популярного кандидата С.

Сознательное голосование за кандидата, не являющегося наиболее предпочтительным для данного избирателя, называют «стратегическим», «искушенным» или даже «лицемерным». В данном контексте, однако, «лицемерие» не следует приравнивать к «нечестности»: другой рациональной стратегии, позволяющей избежать наименее благоприятного исхода выборов, может просто не быть. Но случается и так, что кандидат, пользующийся самой широкой поддержкой среди избирателей, получает мало голосов из-за массовой недооценки его популярности — классический пример самооправдывающегося пророчества. С этой точки зрения, ординальное голосование лучше справляется с задачей выявления реальных предпочтений избирателей, чем категорическое. Тем не

менее, будучи более простой системой, категорическое голосование распространено гораздо шире.

Различие между категорическим и ординальным голосованием не имеет абсолютного характера: помимо чистых типов, можно выделить смешанные. В чистом виде категорический бюллетень требует, чтобы избиратель сказал: «Я предпочитаю данную партию всем остальным». Чисто ординальный бюллетень позволяет избирателю ранжировать всех имеющихся кандидатов, независимо от их партийной принадлежности. Однако многие избирательные системы дают возможность проголосовать более чем за одного претендента (индивидуального кандидата или партию) на один и тот же пост, не вводя ординального бюллетеня. К примеру, избиратели могут быть наделены правом выбирать одновременно и общенациональных, и местных представителей в тот же самый законодательный орган (Западная Германия, Мексика, Гватемала, Исландия). Предоставление каждому избирателю более чем одного голоса делает выбор богаче (пусть и не обязательно «лучше»), и это — уже не вполне категорическое голосование, но, разумеется, и не ординальное. К широте выбора, которую обеспечивает ординальный бюллетень, приближаются системы, использующие так называемое кумулятивное голосование. При такой системе избиратель обладает определенным числом голосов и может отдать их все наиболее предпочтительному для него кандидату или же поделить между несколькими, хотя возможности точно ранжировать кандидатов у него нет. Кумулятивное голосование раньше использовалось при выборах законодательного собрания штата Иллинойс в США.

Другая смешанная система — это «одобрительное» голосование. Избирателю предоставляется право проголосовать за каждого «одобряемого» им кандидата, иными словами, отдать свой голос за всех кандидатов, кроме самых неприемлемых. Победителем становится кандидат, получивший большинство таких голосов, т.е. тот, кто «принимается» большей частью общества. Хотя подобная система еще не была опробована при проведении выборов на сколько-нибудь важные государственные посты, она снискала горячую поддержку среди некоторых интеллектуалов — сторонников реформирования первичных президентских выборов в США.

Избирательные округа и участки. При организации голосования избирателей приписывают к определенным участкам, т.е. к территориальным зонам, где содержатся списки избирателей и регистрируется факт участия в выборах (что позволяет избежать двойного голосования), а затем производится подсчет голосов. Участки могут делиться на еще меньшие единицы — районы

избирательных пунктов. Избирательный округ — это, напротив, относительно большая территория, которая включает несколько участков. Для выявления победителей результаты голосования по всем участкам обобщаются в пределах округа.²

Понятие *величина (magnitude) округа* применяется для отображения весьма важного фактора — количества мест, распределяемых в округе. Она может колебаться от единицы до более чем сотни. Термин «величина» лучше термина «размер» (size), так как под последним может пониматься число избирателей или даже географическая протяженность округа. Правила распределения мест будут рассмотрены в следующей главе. Мы увидим, что по мере роста величины округа распределение мест приобретает более пропорциональный характер.

Патологии избирательных систем

Недобросовестное проведение выборов. Даже если официально провозглашены вполне удовлетворительные правила выборов, следуют им не всегда. Имеется множество путей искажения электоральных норм, в частности: введение ограничений на выдвижение кандидатов и предвыборную агитацию; создание препятствий, затрудняющих участие людей в выборах; нарушение тайны голосования и фальсификация результатов (одним из получивших широкую огласку примеров электоральной недобросовестности является фальсификация итогов февральских 1986 г. выборов на Филиппинах). Настоящая работа посвящена правилам конвертации голосов в места, а не способам получения голосов. Помимо явного мошенничества, существуют и вполне открытые и легальные — но при этом сомнительные — методы увеличения числа голосов. К их числу относятся неравная нарезка избирательных округов и махинации с определением их границ (т. н. джерримен-деринг).

Неравная нарезка округов. Выше мы исходили из допущения, что число мест, оспариваемых в каждом из округов, пропорционально количеству избирателей. Но так бывает не всегда. В странах, где выборы проводятся по одномандатным округам, одни округа могут превосходить другие по численности потенциальных избирателей. А это означает, что голоса избирателей имеют неравный «вес», и правило «один человек — один голос» уже не выполняется. Действительно, если в одном из округов — две тысячи избирателей, а в другом — пятьсот, то в более населенном округе норма представительства равна 0.5 на тысячу избирателей, а в менее населенном — 2 на тысячу избирателей. Это и есть неравная нарезка

округов. Границы округов следовало бы провести так, чтобы в каждом из них было по 1250 избирателей. Подобная операция называется перенарезкой округов.

Даже если изначально нарезка округов была равной, вследствие миграции населения такое равенство может постепенно нарушиться. Так, многие люди переезжают из деревни в город. Предположим, что это происходит в исходно аграрной стране, где ведущей политической силой является консервативная Крестьянская партия. В результате массового оттока сельских жителей в города первоначально равные округа станут со временем столь же различаться между собой по численности населения, как и округа из приведенного выше примера, причем менее населенными будут сельские округа, а более населенными — городские. Поскольку же сельских округов больше, законодательное собрание окажется под контролем консервативных представителей деревни. Предположим также, что горожане предпочитают голосовать за Социалистическую партию. Располагая поддержкой большинства избирателей, эта партия будет иметь меньшинство в законодательном собрании. Конечно, при таком положении дел перенарезка округов становится насущно необходимой. Однако решение по этому вопросу должно принять большинство законодательного собрания — т.е. те самые люди, которым перенарезка сулит колоссальный ущерб. Ясно, что они попытаются отложить решение проблемы в «долгий ящик».

В США огромное неравенство в нарезке округов было ликвидировано лишь в 1960-х годы, когда Верховный суд постановил осуществить перенарезку. Вплоть до этого времени Верховный суд отказывался принять вопрос к рассмотрению и, объявляя проблему «политической», переадресовывал ее Конгрессу. Неравная нарезка возможна и при выборах по многомандатным округам. Примером, в частности, может служить Исландия. Так, упомянутый выше факт перепредставленности исландской Прогрессивной партии в парламенте по итогам выборов 1933 г. объяснялся тем, что партия опиралась на аграрное население. Несмотря на несколько перенарезок, проблема неравенства округов каждый раз возникает снова по мере переезда все большего числа людей в города.

В округах с большой величиной (превышающей десять мест) перенарезка не требует изменения границ. Достаточно передать одно или два места от одного округа другому. Поскольку же при пропорциональной системе такие изменения обычно не сказываются на общем балансе политических сил, они, как правило, встречают меньшее сопротивление, чем в тех случаях, когда речь идет о перенарезке одномандатных округов.

Махинации с определением границ. В одномандатных округах, даже если они равны по числу избирателей, значение имеют еще и их границы. Предположим, что восемь городских районов, равных по числу избирателей, нужно объединить в четыре округа. Количества избирателей (в тысячах), голосующих в каждом из округов за демократов и республиканцев, следующие:

40 — 60 70 — 30 50 — 50 60 — 40

40 — 60 70 — 30 40 — 60 30 — 70

Итого, на четыреста тысяч демократов приходится столько же республиканцев, т.е. каждая партия должна получить по два места. Но если нарезка округов находится под контролем республиканцев, то им выгоднее объединить районы «по вертикали»:

80 — 120 140 — 60 90 — 110 90 — 110

Тогда демократы одержат впечатляющую победу во втором округе, но во всех остальных победят республиканцы, пусть и скромным большинством. Если же демократы нарежут округа по-своему, то объединение районов пойдет «по горизонтали»:

110 — 90 110 — 90

110 — 90 70—130

Теперь получается, что республиканцы зря потратят большое число голосов на победу в нижнем правом округе, а остальные останутся за демократами. Политически нейтральная комиссия по перенарезке могла бы определить границы округов так, чтобы каждая из партий преобладала в двух из них. В данном случае существуют три возможных варианта такой нарезки (разумеется, при условии, что каждый из округов должен включать лишь граничащие между собой районы).

Какой же из пяти вариантов нарезки оптимален? Однозначного ответа на этот вопрос нет (см. Niemi и Deegan, 1978). Но наш простой пример прямо указывает на характер игр, которые всегда велись американскими партиями по поводу нарезки избирательных округов. Основное правило неизменно: собирай все голоса противника в нескольких округах, обеспечивая скромное большинство для собственной партии в остальных. Имя «джерримендеринг» закрепилось за этой игрой с тех пор, как губернатор Массачусетса по имени Элбридж Джерри в 1812 г. умудрился состряпать настолько вытянутый и изогнутый округ, что его очертания напоминали саламандру. Этот-то округ политические противники губернатора и называли «Gerry's Mander» (джерримандра). Игра дожила до наших дней. Некоторые из округов, нарезанных в Калифорнии в 1980-х годах, не уступали исторической «ящерице» по нелепости очертаний (см. карту в: Baker, 1986).

Проблема джерримендеринга и сходных с ним злоупотреблений

коренится в самой природе одномандатных округов. Перенарезки округов неизбежны в связи с миграциями населения, а общепринятых правил, согласно которым можно было бы определять границы округов, не существует. Остается утешаться тем, что иногда джерримендеринг срабатывает как бумеранг. Возвращаясь к нашему примеру, если бы 11% демократов неожиданно перешли на сторону Республиканской партии, то во всех трех округах, где нацеленный на победу демократов джерримендеринг привел к соотношению 110 — 90, победа досталась бы республиканцам, и они получили бы все четыре места. При более сбалансированной нарезке округов по крайней мере одно место получили бы демократы.

В многомандатных округах по мере роста их величины классический джерримендеринг становится бессмысленным. В другую игру, «джерримендеринг по величине», пытались играть в Ирландии. Независимо от правил распределения мест, низкая величина округа благоприятна для партии, получающей наибольшую долю голосов. Отсюда принцип — в регионах, где твоя собственная партия особенно сильна, пытайся сдерживать величину округов настолько, насколько позволяет закон (скажем, на уровне трех мест), а в регионах, где сильнее другие партии, доводи величину округов, к примеру, до пяти и более мест. Выяснилось, однако, что реальные результаты «джерримендеринга по величине» часто разочаровывают его инициаторов. Кроме того, эту практику легко блокировать путем установления равной величины всех округов.

Потенциальные и реальные избиратели В принципе, право голоса имеют практически все взрослые граждане современных демократических стран. Иногда из числа голосующих по разным соображениям исключаются неграмотные, заключенные, военнослужащие и психически больные. В большинстве стран минимальный возраст избирателей — восемнадцать лет, хотя кое-где он переваливает и за двадцать.

Исторически, право голоса сначала было предоставлено старшим и более богатым мужчинам, преимущественно женатым и грамотным. В Англии, которая по праву считается одной из зачинательниц современной представительной демократии, до 1830 г. избирательным правом обладали лишь 4% взрослого населения. Постепенно право голоса распространилось на более молодых и менее богатых мужчин, в том числе неженатых и неграмотных. К 1900 г. во многих странах Запада стало нормой всеобщее избирательное право для взрослых мужчин, но женщины были по-прежнему отстранены от участия в выборах. Всеобщее

избирательное право в полном смысле слова было впервые введено в Новой Зеландии (1893). Среди европейских стран первой ввела всеобщее избирательное право Финляндия (в 1906 г.), а за ней последовали и другие страны. Только в Швейцарии женщины были лишены избирательного права до 1971 г. (а в Лихтенштейне — до 1986). Добившиеся независимости или самоуправления в нынешнем столетии страны, если они вообще практиковали выборы, обычно сразу же делали избирательное право всеобщим. Предметом гордости стран, где имеют место выборы без выбора, нередко является низкий минимальный возраст избирателей. Имея в виду как отсутствие реального выбора, так и учет чистых бюллетеней в качестве голосов «за», результаты таких выборов действительно не зависят от возраста избирателей. Он мог бы быть и младенческим.

Далеко не все имеющие право голоса дают себе труд зарегистрироваться в качестве избирателей. В некоторых странах регистрация избирателей имеет почти автоматический характер, совпадая с обязательной регистрацией постоянного или временного места жительства в полиции. Но иногда процедура бывает громоздкой и должна быть проделана задолго до выборов, так что недавно переехавшие граждане временно лишаются права голоса. Во многих штатах США установлена именно такая процедура.

Из тех, кто зарегистрировался, не все голосуют. Происходит это по разным причинам. Явка на избирательные участки особенно высока там, где голосование имеет обязательный характер, а уклонение от него чревато серьезным наказанием. Уровень участия в выборах без выбора, практиковавшихся в Советском Союзе, достигал 99%. Когда голосование обязательно, но наказание за неявку на выборы — лишь умеренный штраф, как в Австралии и в Нидерландах до 1970 г., голосуют 92 — 95%. В наиболее развитых странах на выборы с выбором являются от 70 до 90% избирателей, а в технологически отсталых уровни явки падают до 60 или даже 40%. В данном отношении Соединенные Штаты выглядят скорее как слаборазвитая страна, причем причины такой ситуации широко обсуждаются, но до сих пор не выяснены. Сложность процедуры регистрации сама по себе не объясняет этого феномена. Дополнительными факторами низкой явки на выборы могут служить слишком частые выборы и большое число выборных позиций. Однако, с точки зрения настоящей работы, достаточно отметить, что нужно проводить различия между потенциальными избирателями и теми, КТО реально участвует в голосовании.

Как проводить нарезку округов — в соответствии с численностью населения в целом (включая детей и других лиц, лишенных права голоса), общим числом потенциальных избирателей, числом

зарегистрированных избирателей или количеством людей, которые действительно принимали участие в предыдущих выборах? В некоторых случаях выбор того или иного варианта ответа на этот вопрос имеет реальные практические последствия. Когда США добились независимости, южные штаты потребовали представительства в Конгрессе в соответствии с населением в целом, включая рабов, которые правом голоса, конечно, не обладали. Был достигнут компромисс, в результате которого при распределении мест в Конгрессе каждого раба приравнивали к половине человека. (Женщины тоже не имели избирательного права, но поскольку их доли на севере и на юге США были примерно равны, их учет при нарезке округов не порождал какого бы то ни было дисбаланса.) В условиях всеобщего избирательного права нарезка округов исходя из численности взрослого населения дает практически те же результаты, что и проведенная на основе населения в целом. Чаще всего используется последний принцип. Нарезка округов на основе действительно участвующих в голосовании могла бы дать мощный толчок к расширению политического участия в США. Однако такой подход противоречил бы принципу «один человек — один голос», который не зависит от того, пользуются ли люди своим избирательным правом.

Переменные избирательных систем

Чтобы добиться желаемых результатов, создатели избирательных систем могут манипулировать тремя основными переменными. Альтернативы, с которыми они сталкиваются, могут быть выражены в виде трех вопросов: (1) какова должна быть структура избирательного бюллетеня? (2) какова должна быть величина округа? (3) каков должен быть метод перевода голосов в места? Первый из этих вопросов мы обсудили в предыдущей главе. Перейдем к двум оставшимся.

Величина округа

Величина округа (M) — количество мест, распределяемых в ходе выборов в данном округе — наиболее важная характеристика избирательных систем. По мере возрастания величины округа устанавливается более точное соответствие между долями голосов, полученных партиями на выборах, и долями занимаемых ими мест. Взаимосвязь между величиной округа и пропорциональностью может быть показана на примерах. Причины такой взаимосвязи ясны. Места представлены в целых числах, в то время как голоса — практически непрерывная переменная. Чем больше распределяется

мест, тем легче установить соответствие между определенным процентом голосов и определенным процентом мест (выраженных в целых числах).

Диапазон избирательных систем широк — от делящих страну на множество одномандатных округов до объединяющих ее в единый избирательный округ, величина которого совпадает с численностью членов законодательного собрания. Первый из названных предельных вариантов практикуется в Новой Зеландии и США (при выборах в палаты представителей). В этих странах каждый законодатель представляет округ с величиной, равной единице ($M = 1$). Другая крайность — избирательные системы Израиля и Нидерландов, где законодательные собрания избираются населением в целом. Величина округа при этом превышает сто. Большинство других страны занимают промежуточное положение между двумя крайностями ($1 < M < 100$), причем величины округов могут сильно различаться между собой и внутри отдельных стран.

Один из возможных вариантов состоит в том, чтобы установить единую для всей страны (или колеблющуюся вокруг определенного значения) величину округов, а затем, исходя из некой нормы представительства, провести их границы. Такая процедура используется в США и в большинстве других стран, опирающихся на британскую демократическую традицию (где $M = 1$), на Мальте ($M = 5$), а также в Ирландии и в Японии ($3 < M < 5$). Чаще, однако, границы округов определяются на основе существующих административных делений. Затем каждому из округов приписывается определенная величина в соответствии с его населением, в результате чего наблюдаются колебания величин от единицы до тридцати и более. Например, в Финляндии округ Аландские острова направляет в парламент одного представителя, а округ Хельсинки — двадцать. Аналогичная ситуация возникла бы и в США при переходе к многомандатным округам. Калифорния тогда не состояла бы из сорока пяти округов с $M = 1$, а направляла бы в Палату представителей делегацию из сорока пяти членов от единого округа с $M = 45$, в то время как наименее населенные штаты вроде Вайоминга по-прежнему избирали бы одного представителя в округе с $M = 1$.

Поскольку следствием большей величины округа является более пропорциональное представительство, стремление к которому зачастую и объясняет переход к многомандатной системе, наблюдаются сильные различия в «качестве» представительства округов разной величины. Можно лишь задаться вопросом, почему во многих странах преимущества многомандатной системы не максимизируются путем установления единой величины округов по

ирландскому образцу. Ведь использование существующих административных единиц в качестве избирательных округов дает высокие уровни пропорциональности, а значит и репрезентативности, только тогда, когда округа достаточно велики. В округах с маленькой величиной уровень репрезентативности падает.

Правила распределения мест: одномандатные округа

Методы, с помощью которых голоса переводятся в места, нередко просто делят на две категории: применяемые в одномандатных и в многомандатных округах. И правда, зависимость правил распределения мест от величины округа действительно существует: говорить о каком бы то ни было приближении к пропорциональности можно лишь в том случае, если разыгрывается хотя бы несколько мест — единственное место может выиграть лишь одна партия (или предвыборная коалиция). Однако эти две широкие категории в свою очередь распадаются на ряд подвидов, где действуют свои специфические правила.

Плюральная, или система простого большинства (plurality), в одномандатных округах. Во многих странах, испытавших влияние британской традиции, для победы в округе с $M = 1$ не требуется абсолютного большинства (свыше 50%) голосов — достаточно получить больше, чем любой другой из кандидатов. Такое простое большинство, т.е. наибольшее число голосов, иногда несколько туманно называют также «*относительным большинством*» или же по аналогии со скачками используют формулировку «побеждает первый» («first past the post»). Приверженцы подобной модели утверждают, что она способствует возникновению стабильных двухпартийных систем, почти всегда позволяющих одной из партий контролировать абсолютное большинство мест в парламенте. Как нам предстоит убедиться, во многих случаях — но не всегда — это действительно так.

Разновидность плюральной системы, система «*двойного одновременного голоса*» (*double-simultaneous vote*), применяется на президентских выборах в Уругвае и Гондурасе. Соединяя в себе принципы проведения первичных выборов американского образца, с одной стороны, и всеобщих выборов — с другой, данная система используется в ситуациях, когда от партий выставляется по несколько кандидатов. Победителем становится тот кандидат от опередившей других партии, который набрал больше голосов, чем остальные кандидаты от этой партии. В Уругвае подобная система утвердилась именно потому, что политические партии страны, в

сущности, представляют собой рыхлые коалиции лидеров и политических течений (отчасти напоминающие партии США). В Гондурасе система «двойного одновременного голоса» была принята в 1986 г. в качестве средства преодолеть глубокие разногласия, возникшие в двух основных партиях республики, когда действовавший президент, не имевший, согласно конституции, права баллотироваться на новый срок, попытался добиться выдвижения своих союзников кандидатами от обеих основных партий.

Мажоритарная, или система абсолютного большинства (majority) в одномандатных округах. Для предотвращения ситуации, когда победивший кандидат опирается на поддержку менее 50% избирателей, вводятся правила распределения мест, либо предусматривающие проведение второго тура (раунда) голосования, либо позволяющие выделить приемлемого для большинства избирателей кандидата с помощью ординального бюллетеня.

При голосовании в два тура с использованием категорического бюллетеня предполагается, что если в первом туре никто из кандидатов не получит абсолютного большинства голосов, то в течение какого-то срока — обычно нескольких недель — будут проведены повторные выборы. Как правило, в них участвуют лишь два кандидата, добившиеся наибольшего успеха в предыдущем туре, так что теперь один из них неизбежно должен получить абсолютное большинство голосов. Примером такой системы в действии могут служить президентские выборы 1986 г. в Португалии. Социалист Марио Соареш набрал в первом туре 25.4% голосов — значительно меньше консерватора Диего Фрейташа ду Амарала, за которого проголосовали 46.3% избирателей. Однако, несмотря на столь заметное отставание от лидера, для большинства сторонников других кандидатов Соареш явно был меньшим злом, чем Фрейташ ду Амарал. В результате во втором туре Соареш одержал верх над своим соперником, получив 51.4 % голосов против 48.6 %, и стал президентом Португалии.

При избрании Национального собрания во Франции временами (в последний раз с 1958 по 1985 г.) использовалась мажоритарно-плюральная система (в 1986 г. был осуществлен переход к пропорциональной системе, о которой речь пойдет ниже). Абсолютное большинство требовалось для победы в первом туре, но во втором (который проводился в случае, если никто из кандидатов не набирал абсолютного большинства голосов) достаточно было простого большинства. Поэтому во втором туре могли участвовать не двое, а сколько угодно кандидатов, преодолевших определенный законом барьер (к моменту отмены мажоритарно-плюральной

системы он был установлен на уровне 12.5% голосов). Очевидно, что такую систему нельзя назвать чисто мажоритарной. Однако на практике с начала 60-х годов на участие во втором туре в большинстве округов могли претендовать лишь по двое кандидатов, так что во втором туре один из них получал абсолютное большинство.

Целью системы, при которой к участию во втором туре допускается более двух кандидата, состоит в поощрении сделок между партиями в промежутке между двумя турами.

Альтернативное голосование (alternative vote). Эта система, известная также под названием мажоритарно-преференциальной (Wright, 1980), представляет собой еще один вариант мажоритарной системы в одномандатных округах. На общегосударственном уровне она применяется только при выборах нижней палаты австралийского парламента. Избирателю предлагается выделить в ординальном бюллетене как первое, так и альтернативные предпочтения (отсюда и название — «альтернативное голосование»). Чтобы победить, нужно получить поддержку абсолютного большинства. Если ни один из кандидатов не стал первым предпочтением для более чем 50 % избирателей, кандидат с наименьшим количеством первых предпочтений вычеркивается из списка. Полученные им голоса передаются кандидатам, выделенным соответствующими избирателями в качестве вторых предпочтений. Это перераспределение голосов в соответствии с альтернативными предпочтениями продолжается до тех пор, пока один из кандидатов не достигнет абсолютного большинства. Как только число полученных кандидатом первых предпочтений плюс число голосов, переданных ему от других кандидатов, превышает половину общего числа бюллетеней, его объявляют победителем.

Правила распределения мест в многомандатных, округах

Большинство избирательных систем, где величина округа превосходит единицу, представляют собой разновидности пропорциональной системы (ПС). Термин *списочная* ПС используется для описания систем, основанных на избирательных законах, которые предполагают применение математических формул для распределения мест между партиями в соответствии с полученными ими долями голосов. Эти весьма разнообразные формулы будут подробнее описаны чуть ниже. Пока же в качестве примера рассмотрим одну из них — *простую квоту с наибольшими остатками*.

Предположим, что в пятимандатном округе в выборах участвовали пять партий, причем процентное распределение полученных ими голосов $48.5 — 29 — 14 — 7.5 — 1$. «Квота», позволяющая партии претендовать на одно из мест в парламенте, определяется как 100% , деленные на число мандатов (величину округа), и в данном случае составляет $100 / 5 = 20\%$. Сильнейшая из партий получает два места, так как $2 \times 20 = 40\%$. В остатке имеем: $48.5 — 40 = 8.5\%$. У второй по силе партии на одно место затрачивается одна квота, а остаток равен 9% ($29 — 20 = 9$). Ни одна из других партий не достигла квоты, и их остатки — $14, 7.5$ и 1% . До сих пор распределены лишь три места. Что делать еще с двумя? Принцип «наибольших остатков» отводит четвертое место партии, занявшей третье место по числу голосов, ибо ее остаток — 14% — представляет собой наибольшее приближение к квоте. Пятое место тогда отходит к партии, оказавшейся на втором месте, благодаря наличию у нее второго по величине остатка (9%). Полученное в результате распределение мест выглядит так: $2 — 2 — 1 — 0 — 0$, или, в процентах, $40 — 40 — 20 — 0 — 0$. По сравнению с процентами голосов, как видим, в выигрышном положении оказались вторая и третья партии, в то время как самая сильная и две слабейшие партии получили меньше, чем могли бы рассчитывать. Поскольку целые числа мест малы, подобные отклонения от совершенной пропорциональности неизбежны при большинстве распределений голосов. Чем больше величина округа, тем пропорциональнее распределение мест.

Эта и другие формулы ПС изобретены специально для многомандатных округов, но в таких округах могут применяться и иные типы формул. Простое или абсолютное большинство способно служить основанием для распределения мест даже тогда, когда $M > 1$ (как одно время практиковалось в Турции, Норвегии и еще некоторых странах), но, как правило, результатом бывает крайняя диспропорциональность. Возьмем воображаемый случай, когда вся страна составляет единый избирательный округ, как в Нидерландах или в Израиле, но места распределяются по принципу простого большинства. Если доли голосов, полученных тремя партиями, составляют $40, 30$ и 30% , то первая из них займет все места в парламенте, а оппозиции просто не будет. Таким образом, в условиях плюральной системы отношение между величиной округа и пропорциональностью обратно отношению, наблюдаемому при ПС. Большая величина округа и ПС приводят к относительно пропорциональным результатам, в то время как система простого большинства в сочетании с большой величиной округа крайне диспропорциональна. Этим кратким замечанием мы завершим свое

обсуждение данной системы, встречающейся все реже и реже.

Большинство современных избирательных систем относятся к той или иной разновидности списочной ПС. Обычно, хотя и не всегда, при списочной ПС применяется категорический бюллетень или его слегка смягченные модификации. Иногда, правда, используется и ординальный бюллетень (данная разновидность списочной ПС — известная как система единого переходящего голоса — весьма широко обсуждается, хотя и редко практикуется). Однако прежде чем продолжать рассмотрение списочной ПС, следует затронуть еще несколько вопросов, касающихся структуры бюллетеня.

Списочная ПС. голосование за кандидата или за партию? При списочной ПС избиратель может иметь или не иметь возможность выразить свое предпочтение отдельным кандидатам, внесенным в партийный список (или даже в разные списки). Наиболее чистой формой списочной ПС является так называемый *закрытый* список. «Чистой» эту форму можно назвать именно потому, что избиратель голосует исключительно за партию, а не за отдельных кандидатов. В преддверии выборов партия выдвигает список своих кандидатов, расположенных в порядке убывающей важности. Выиграв какое-то число мест (по квоте или согласно какой-то иной процедуре), партия передает их кандидатам, находящимся в начале списка. Например когда оспариваются семь мест, то каждая из партий выдвигает список из семи кандидатов. Если какая-то партия выиграла три места, то три кандидата, открывающие ее список, становятся парламентариями. Данный вариант — по крайней мере, потенциально — увеличивает влияние центрального руководства партий, так как именно лидеры определяют порядок расположения кандидатов в списке. Ясно, что в условиях многопартийности ПС оставляет кандидатам, замыкающим списки, мало шансов на победу. Таким образом, ПС с закрытыми списками дает партийным элитам действенное орудие укрепления партийной дисциплины.

Но для избирателей закрытые списки чреватые сложными дилеммами. Предположим, что избиратель горячо поддерживает некоего эколога, внесенного в список Социалистической партии, но во всех остальных отношениях не доверяет социалистам и предпочел бы голосовать — пусть и не с таким энтузиазмом — за список Либеральной партии. Предположим, кроме того, что в списке Социалистической партии эколог фигурирует третьим, причем социалисты вряд ли получают три места. Если голос нашего избирателя поможет социалистам получить три места, то его удовлетворение должно быть полным, поскольку в результате членом парламента окажется поддерживаемый им кандидат (о чем, собственно, избиратель и печется). Но если социалисты выигрывают

лишь два места, то его голос поспособствует избранию двух других членов партии, которых бы наш избиратель не назвал даже в качестве второго или третьего предпочтения. Скорее всего, в такой ситуации он выберет безопасный путь и «стратегически» проголосует за Либеральную партию.

Другой вариант списочной ПС предоставляет избирателю большую свободу в выборе отдельных кандидатов. *Открытый* список позволяет не только голосовать за определенную партию, но и выражать предпочтение кому-то из выдвинутых ею кандидатов. В Бельгии, например, избиратель имеет возможность ставить крестик напротив фамилий кандидатов, которых он хотел бы видеть в стенах парламента. В Италии имена таких кандидатов требуется вписать в бюллетень. Но каковы бы ни были детали фиксации предпочтений избирателей, существуют определенные правила, позволяющие уточнять позиции кандидатов в партийных списках с учетом количества выраженных им индивидуальных предпочтений. В рассмотренном выше гипотетическом примере такая система позволила бы социалисту-экологу пройти в парламент, даже если бы его партия получила всего два места. Короче говоря, ПС с открытыми списками дает избирателям возможность изменить порядок расположения кандидатов, определенный партийными элитами (однако для этого требуется очень высокий уровень сознательности избирателей, так что на практике линия партийного руководства чаще всего остается доминирующей).

По меньшей мере в двух странах, в Финляндии и (до 1973 г.) в Чили, использовались системы, которые обычно относят к категории ПС с открытыми списками, хотя точнее было бы определить их как «квазисписочные ПС». При подобной системе возможность голосовать за отдельных кандидатов, с которой мы уже сталкивались в Бельгии и Италии, превращается в необходимость. Все голоса, поданные за кандидатов той или иной партии, суммируются, как будто они были поданы за партийные списки. Затем происходит распределение мест между партиями, но в соответствии с количествами голосов, полученными каждым из кандидатов. Партийные лидеры, таким образом, лишаются возможности составлять списки кандидатов, а избиратели получают большую свободу выбора; представительство становится более «личным», чем при традиционной списочной ПС (см. Valenzuela, 1977). Между тем ПС часто критикуют именно за то, что она якобы разрывает личную связь между избирателем и его представителем.

Но и в квазисписочных системах главную роль играют голоса, поданные за партии, и именно они положены в основу распределения мест *между* партиями (при всех различиях в

методике закрепления мест за отдельными кандидатами от *одной и той же* партии). С точки зрения распределения мест между партиями и достижения хотя бы грубого приближения к пропорциональности, голоса, поданные за любого из партийных кандидатов, равнозначны голосованию за партию в целом. Некоторые разновидности ПС, допускающие голосование за отдельных кандидатов, передают избыточные голоса (т.е. голоса сверх установленного минимума, необходимого для избрания отдельного кандидата) другим кандидатам в порядке их расположения в партийном списке. Такая процедура, применяемая в Нидерландах, отличается от чилийской и финской систем, где партийных списков нет вообще.

Имеется и другая необычная форма списочной ПС, известная как *панашаж* (*panachage*), что по-французски означает «мешанина». Как и большинство списочных систем, она предполагает голосование по партийным спискам. В то же время, избиратели получают возможность дополнительно высказаться по поводу определенного числа баллотирующихся в округе кандидатов независимо от их партийной принадлежности, «смешивая» кандидатов от одной партии с кандидатами от других. Таким образом, голос избирателя сказывается на составе законодательного корпуса в целом — в том числе на представительстве партий, списки которых не получили его поддержки. Представим себе избирателя, который сочувствует небольшой левой партии и хотел бы проголосовать за ее список, даже если эта партия практически не имеет шансов пройти в парламент. Панашаж позволяет такому избирателю, проголосовав за нравящуюся ему партию, одновременно отдать предпочтение индивидуальным кандидатам от других левых партий, так что сама явка на выборы будет для него не совсем бессмысленной. Ясно, что панашаж существенно расширяет спектр возможностей, открытых избирателю. Однако положение, при котором часть членов партийной фракции в парламенте фактически попадает туда за счет поддержки сторонников других партий, довольно сомнительно с точки зрения идеи представительства (особенно при наличии серьезных внутрипартийных разногласий, часто сопутствующих преференциальным системам голосования).

В двух странах, где на практике применяется панашаж — в Швейцарии и Люксембурге — избирателям дополнительно предоставлено право «накапливать» предпочтения, т.е. отдавать наиболее предпочтительным кандидатам сразу по несколько голосов, тем самым ранжируя кандидатов по степени предпочтения. Так списочная ПС сочетается с квазиординальным бюллетенем.³

Мы еще вернемся к списочной ПС, которая является наиболее широко распространенным типом избирательной системы, ближе к концу этой главы, при анализе способов распределения мест между партиями. Прежде нужно рассмотреть две несписочные системы распределения мест в многомандатных округах. Одна из них, система «единого переходящего голоса» (single transferable vote), основана на применении ординального бюллетеня (отсюда и слово «переходящий» в ее названии). В другой — «единого непереходящего голоса» — используется категорический бюллетень. Строго говоря, последняя система, будучи особой формой системы с ограниченным числом голосов, не является пропорциональной, однако многолетняя практика ее применения (она действует лишь в одной стране — Японии) показывает, что она позволяет добиваться высокого уровня пропорциональности.

Система единого переходящего голоса (ЕПГ) Данную систему называют еще квотно-преференциальной или системой Хэр-Кларка. Стимулом к ее созданию послужило стремление довести до максимума эффективность каждого голоса. За счет использования ординального бюллетеня ЕПГ стремится предотвратить «пустую трату» голосов в обоих возможных смыслах: (1) голосования за кандидата, не имеющего шансов на победу; (2) голосования за кандидата, пользующегося такой поддержкой, что каждый новый голос становится уже избыточным. Для предотвращения «пустой траты» голосов используется весьма сложная процедура, начинающаяся в кабинке для голосования, когда избиратель отмечает порядок своего предпочтения напротив фамилии каждого из внесенных в бюллетень кандидатов. Ясно, что при подобной системе желательна небольшая величина округа — иначе справиться с голосованием смог бы далеко не каждый. Ведь даже для наиболее информированных избирателей расстановка большого числа кандидатов по ранжиру была бы непосильной задачей. В обеих странах, применяющих ЕПГ при выборах нижних палат парламентов (Ирландия и Мальта), величина округа — от трех до пяти мест. В Австралии, где по системе ЕПГ осуществляются выборы сенаторов, как правило, одновременно сменяется лишь половина состава верхней палаты, и потому фактическая величина округа также равняется пяти. Но в случае роспуска всего сената она возрастает до десяти.

После подачи ординальных бюллетеней рассчитывается квота, определяющая минимум необходимых для избрания голосов. В Ирландии применяется квота Друпа, которая ниже упомянутой ранее простой квоты: все голоса делятся не на M , а на $(M + 1)$. Каждый из преодолевших квоту кандидатов считается избранным.

После этого происходит переадресовка голосов, причем двумя разными способами. Избыточные голоса — голоса сверх квоты, полученные победившими кандидатами, — переводятся кандидатам, которым соответствующие избиратели отдали свои вторые предпочтения. Одновременно набравшие наименьшее число голосов кандидаты вычеркиваются из списка, и их голоса передаются таким же образом. За счет этого какие-то кандидаты могут достигнуть квоты. Тогда все повторяется, и так до заполнения всех мест кандидатами, преодолевшими квоту за счет присоединения к собственным первым предпочтениям более низких предпочтений, переведенных от Других кандидатов.

Многие политологи считают ЕПГ «лучшей» избирательной системой, ибо она позволяет избирателю проголосовать за любой набор кандидатов независимо от причин, по которым предпочтение оказывается именно им. В отличие от ПС с открытыми списками — если отвлечься от панашажа, — голосование за партийного кандидата здесь не означает голосования за партию в целом (с точки зрения распределения мест между партиями). Голос отдается лишь за данного кандидата. В результате ЕПГ дает избирателям максимальную свободу выбора, а контроль партийного руководства сводится к нулю. Конечно, партии могут давать своим сторонникам рекомендации относительно наилучшей для них расстановки предпочтений, но этим и ограничивается их влияние на результаты выборов. Преимущество ЕПГ видят иногда и в том, что данная система делает ненужным «стратегическое» голосование. Избиратель может спокойно голосовать за наиболее предпочтительного для него кандидата, даже если победа того крайне маловероятна, ибо нет оснований опасаться, что тем самым он способствует успеху наихудшего из претендентов на место: ведь избиратель сам определяет, к кому перейдет его голос в случае поражения наиболее предпочтительного кандидата.

И все же система ЕПГ не лишена недостатков. Некоторые отмечают, что она слишком сложна и непонятна избирателям (хотя в Ирландии именно избиратели дважды спасали ЕПГ, когда вопрос о реформе избирательной системы выносился правительствами на референдум). Если в стране используются избирательные округа очень большой величины, то ЕПГ по определению невозможна, так как для нормального функционирования она потребовала бы огромных бюллетеней и избирателей, склонных к изучению программ и персоналий слишком большого числа кандидатов. Наконец, ЕПГ мало способствует укреплению политических партий по сравнению как со списочной ПС (даже если та допускает элементы преференциального голосования), так и с системой

простого большинства (если, конечно, та не предполагает первичных выборов по американскому образцу), ибо последние две системы дают партийному руководству гораздо больше возможностей влиять на состав парламентской фракции.

Единый непереходящий голос (ЕНГ). В соответствии с названием, этой системе чужд перевод голосов и, стало быть, ординальный бюллетень, применяемый в ЕПГ. ЕНГ используется в Японии при выборах нижней палаты парламента. Величина округов установлена на уровне от трех до пяти, но при этом каждый избиратель голосует лишь за одного кандидата путем подачи категорического бюллетеня. Победителями становятся кандидаты с наибольшим количеством голосов, независимо от их партийной принадлежности. При такой системе для маленьких партий, которые не могут претендовать на несколько мест, существует лишь один вариант стратегии: выдвигать по одному кандидату в округе в надежде, что поданных голосов будет достаточно. Перед более сложным выбором стоят крупные партии. Можно выдвинуть столько кандидатов, на сколько мест партия способна претендовать при благоприятном стечении обстоятельств. Но если руководство партии ошибется в расчетах и поддержка избирателей окажется меньше, чем ожидалось, то поданные за партийных кандидатов голоса расплывутся, и ни один из представителей партии не добьется успеха. Конечно, риска можно избежать, выдвинув лишь одного или двух кандидатов. В этом случае распыления голосов не произойдет. Но если партия и правда пользуется широкой поддержкой избирателей, то излишняя осторожность будет стоить ей парламентских мест — ведь сколько бы голосов партия ни получила, она не может провести в парламент больше кандидатов, чем выдвинула. Наконец, партии нужно позаботиться о том, чтобы в каждом из округов никто из выдвинутых ею кандидатов не «стягивал на себя» все голоса ее сторонников. Ведь тогда особо популярный кандидат победил бы с колоссальным отрывом, а менее популярные остались бы ни с чем, уступив победу представителям партий, использующим более разумную стратегию. Систему ЕНГ обычно называют полупропорциональной, однако реальные отклонения от пропорциональности в Японии могут быть обусловлены не столько правилами распределения мест, сколько низкой величиной округов.

Система с ограниченным числом голосов (limited vote). Эта система подобна ЕНГ во всех отношениях, за исключением того, что число кандидатов, за которых голосует здесь каждый избиратель, больше единицы, но в то же время меньше, чем величина округа (сравнение двух систем можно найти в: Lijphart, Pintor и Sone, 1986). Типичным был бы случай голосования за двух кандидатов в трех- или

четырёхмандатном округе. Как и кумулятивное голосование», о котором говорилось в связи с панашажем, такую систему нельзя отнести ни к чисто категорическому, ни к чисто ординальному типу. Избиратель не может оказать одному кандидату более сильное предпочтение, чем другому — значит, это не ординальное голосование. Но категорическому голосованию совершенно чужда свобода в выборе кандидатов от разных партий, предоставляемая избирателю системой с ограниченным числом голосов. Подобная система (а результаты ее применения бывают иногда довольно странными) широко практикуется на местных выборах в США, но есть пример ее использования и в общегосударственном масштабе — при выборах испанского сената. Она ставит на пути представительства малых партий более высокий барьер, чем система ЕНГ, которую можно рассматривать как предельную (предельно «ограниченную») форму рассматриваемой системы. Если ЕНГ является предельным вариантом в том смысле, что каждому избирателю дается лишь один голос, то можно представить и противоположную крайность, когда число голосов у каждого избирателя равно величине округа. Такую систему можно было бы назвать *системой с неограниченным числом голосов*. В отличие от нормальной системы простого большинства в многомандатных округах, когда избиратель может поддержать лишь одну партию, «неограниченное голосование» позволяет голосовать сразу за несколько списков. Такая система была опробована в 1984 г. в Калифорнии на первичных выборах в Демократической партии. В некоторых округах действительно победили кандидаты, внесенные в разные списки. Однако, как правило, избиратели отдавали все свои голоса за один и тот же список, так что реальный результат «неограниченного голосования» не слишком отличался от того, который дала бы система простого большинства.

Математические формулы, применяемые для распределения мест при списочной ПС

Мы уже рассмотрели целый ряд способов распределения мест, включая и распределение мест между кандидатами от одной и той же партии. Но о какой бы из используемых в многомандатных округах системе ни шла речь — вне зависимости от того, предполагается ли преференциальное голосование и панашаж или нет, и даже вне зависимости от величины округа, — все они (кроме различных разновидностей простого большинства и ЕНГ) требуют обращения к какой-то математической процедуре. А значит, перед разработчиками избирательных систем встает вопрос: какую из них

принять? Хотя существующие формулы весьма многообразны, в сущности, они сводятся к двум большим категориям, одна из которых основана на вычитании, а вторая — на делении. Можно установить квоту и при отведении партии мест каждый раз *вычитать* соответствующее число из доли полученных ею голосов, а можно определить последовательность делителей и *делить* эту долю на установленное число каждый раз, когда партии отводится место.

Квоты. Наиболее широко применяются два способа определения квот. Первый из них состоит в том, чтобы делить общее количество голосов в округе (V) на величину округа (M), в результате чего получаем количество голосов (q_0), дающее право на одно место при чисто пропорциональном распределении мест: $q_0 = V / M$. (К аналогичному результату ведет применение формулы $q_0 = 100\% / M$, направленной на вычисление процентной доли голосов, дающей право на одно место.) Недостаток этой *простой квоты*, которую называют также квотой Хэра, состоит в том, что часть мест может остаться неподделенной, и для их распределения требуется какая-то дополнительная процедура. Самая распространенная из таких процедур — распределение оставшихся незанятыми мест по принципу *наибольших остатков* после применения простой квоты.

Иногда общее число голосов делят на число мест плюс один: $V / (M + 1) = q_1$, где нижний индекс 1 как раз и означает добавление единицы к M . Такая квота меньше простой и потому позволяет распределить большее число мест, а допускаемые ею остатки меньше. Эта квота также не лишена недостатков, главный из которых заключается в том, что при определенных условиях она способна отвести партиям больше мест, чем имеется в наличии. Предположим, что мест четыре, так что квота q_1 составляет $100 / (4 + 1) = 20\%$. Если при этом оказывается, что из пяти партий каждая получила ровно по 20% голосов, то нам понадобится пять мест. Точно такая же проблема возникает, когда одна партия получает ровно 60% голосов, а другая — ровно 40%. Следует признать, что теоретическая вероятность таких okazji крайне мала (один лишний голос, поданный за любую из партий, исправил бы положение). Однако другая квота, *Друпа* или *Хагенбаха-Бишоффа*, устраняет и такую вероятность. Фактически, она представляет собой целое число, следующее за q_1 ; $q_d = \text{Int}[q_1 + 1]$, где q_1 вычисляется на основе количества, а не процентной доли голосов. Термин «квота Друпа» применяется в Ирландии, а «квота Хагенбаха-Бишоффа» — в континентальной Европе. Идентичность этих квот друг другу часто не замечают из-за разницы в формулировках: вычисление квоты Друпа начинается с $(q_1 + 1)$ и ведет к наименьшему следующему

целому числу, а квота Хагенбаха-Бишоффа исходит из $q!$ и ведет к наибольшему следующему целому числу.

Общая формула, включающая и q_0 , и q_1 , в качестве частных случаев, следующая: $q_n = V / (M + n)$, где n в принципе может быть любым (положительным или отрицательным) числом, превосходящим $(-M)$. Предположим, что округ имеет величину $M = 4$; а значение n установлено как $1 - M$, т.е. $n = -3$. Тогда квота будет $100 / (4 - 3) = 100 \%$. Все голоса должна получить только одна партия, что маловероятно, или распределение мест придется провести по принципу наибольших остатков. А тогда по одному месту получит каждая из M крупнейших партий даже при крайне диспропорциональном распределении голосов между ними, вроде (в процентах) $60 - 30 - 9 - 1$. Более того, при такой предельной величине n ни одна партия никогда не получит более чем по одному месту в каждом из округов. Наибольшая партия при этом оказывается в самом проигрышном положении; партия, находящаяся по силе на месте M от начала в округе с величиной M — в самом выигрышном, а еще более слабые партии вообще лишаются представительства. Если же мест больше, чем партий, то заполнить остаток мест просто не удастся.

По мере увеличения n возрастает и число мест, распределяемых по квоте, а не по принципу наибольших остатков. Когда n становится больше, чем $+1$, возрастает вероятность, что число претендующих на места партий превзойдет число оспариваемых мест. Несмотря на это, в Италии временами величины n приравнивались к 2 или 3 (это — разновидности квоты, известной под названием *Имперали*); в редких случаях нехватки мест для вычисления квоты используются следующие по нисходящей целые числа.

Таким образом, в зависимости от желаемых результатов можно использовать различные варианты квот. В таблице 1 показано, как сказывается применение разных квот в сочетании с наибольшими остатками при одном и том же распределении голосов в округе с величиной $M = 5$. Приводятся и общепринятые названия квот. Таблица показывает, что если необходимо ограничить представительство крупнейшей партии, то нужно использовать низкую величину n (и, стало быть, высокую квоту):

Таблица 1. Гипотетические распределения мест между пятью партиями с долями голосов 48.5, 29.0, 14.0, 7.5 и 1.0 % при использовании различных квот

n	q	Места				
$1-M=-4$	$100/1=100\%$	1	1	1	1	1
-3	$100/2=50\%$	1	1	1	1	1

-2	100/3=33.3%	2	1	1	1	0	
-1	100/4=25%	2	1	1	1	0	
0	100/5=20%	2	2	1	0	0	Простая квота
1	100/6=16.7%	3	1	1	0	0	Квота Друпa
2	100/7=14.3%	3	2	0	0	0	Империа́ли
3	100/8=12.5%	3	2	1*	0	0	Империа́ли

*При таком определении квоты требуется дополнительное место.

Делители

Другой способ распределения мест состоит в том, чтобы установить последовательность делителей. Всякий раз, когда партии отводится место, число полученных ею голосов делится на очередной из таких делителей. Это — циклическая процедура, на каждом из этапов которой партия, имеющая наибольший результат деления («наивысшую среднюю»), получает место. Наиболее распространенная из процедур подобного рода называется методом *д'Ондта* по имени ее изобретателя, Виктора д'Ондта, и использует делители 1, 2, 3, 4 и т.д. С равным успехом ее можно было бы называть методом Джефферсона, ибо Томас Джефферсон предложил аналогичный способ распределения мест между штатами в Конгрессе США еще до того, как д'Ондт сформулировал свой метод применительно к партиям. Средняя (a) определяется как результат деления полученных партией голосов (v) на количество уже распределенных мест (s) плюс один: $a = v / (s + 1)$.

Эту процедуру иллюстрирует таблица 2, в которой использованы те же гипотетические доли полученных партиями голосов, что и в таблице 1. Доли голосов составляют верхний ряд таблицы, а делители ($s + 1$) — первую колонку. Числа в скобках — это места в порядке их распределения. Первое место отводится крупнейшей партии, затем ее голоса делятся на два (одно место плюс один). Теперь наивысшая средняя — у второй по величине партии, и она получает второе место. Так продолжается до заполнения всех мест.

Таблица 2. Гипотетическое распределение мест между партиями с известными долями голосов при использовании правила д'Ондта

s	$s+1$					
0	1	48.5(1)	29.0 (2)	14.0	7.5	1.0
1	2	24.3 (3)	14.5 (5)	7.0		

2	3	16.2 (4)	9.7
3	4	12.1 (7)	

В округе с величиной 7 распределение мест, таким образом, будет 4 — 2 — 1 — 0 — 0. Пример показывает, что в отличие от простой квоты q_0 с наибольшими остатками метод д'Ондта благоприятен прежде всего для крупнейшей партии. Четыре места из семи — это 57% мест, хотя голосов было всего 48.5%. Однако частично данное преимущество объясняется небольшой величиной округа. В округе с величиной 20 крупнейшая партия получила бы десять мест, т.е. 50%, что почти равно «законной доле».

Другой основанной на использовании делителей системой является метод *Сен-Лаге*. Она тоже носит имя своего официального изобретателя, хотя в действительности автором следует считать Дэниэла Уэбстера, в свое время предложившего применять ее опять-таки для распределения мест в Конгрессе между штатами. Если по методу д'Ондта полученные партиями голоса следует делить на 1, 2, 3 и т.д., то метод Сен-Лаге предписывает использовать делители 1, 3, 5 и т.д. Смысл такой замены состоит в том, чтобы сократить преимущество крупнейшей и помочь малым партиям.

Существует еще и *модифицированный метод Сен-Лаге*, при котором применяются делители 1.4, 3, 5 и т.д. Замена единицы на 1.4 снижает преимущества малых партий, обусловленные использованием метода Сен-Лаге в чистом виде. Теперь в выигрыше оказываются партии среднего размера. Именно поэтому модифицированный метод Сен-Лаге был принят Скандинавскими странами (Rokkan, 1970). Таким образом, из рассмотренных трех вариантов метод д'Ондта благоприятствует крупным, метод Сен-Лаге — малым, а модифицированный метод Сен-Лаге — средним партиям. Но чем больше M , тем меньше сказываются специфические эффекты применения того или иного правила, и тем более пропорциональным становится результат.

Рассмотренные выше методы распространены наиболее широко. Теоретически, однако, возможны и многие другие, даже если свобода выбора ограничена требованием, чтобы каждый следующий делитель превышал предыдущий на установленную величину. Предположим, что эта величина очень велика — 1, 101, 201, 301 и т.д. Тогда после того, как крупнейшая партия получит свое первое место, доля ее голосов будет поделена на 101. Следующего места эта партия не дожидается до тех пор, пока одно из мест не достанется партии, набравшей один процент голосов. Если число партий превосходит M , то результат будет аналогичен тому, который вытекает из применения стопроцентной квоты: каждая из числа партий, равного M , получит по месту. Если число партий меньше M ,

то лишние места отойдут к крупнейшим из партий, и распределение мест станет более пропорциональным. Немодифицированный метод Сен-Лаге представляет собой в данном отношении шаг вперед по сравнению с методом д'Ондта.

Если мы возьмем за основу постоянный делитель — 1, 1, 1 и т.д., — то все места достанутся крупнейшей партии. Ни одна из возможных квот не дает такого результата. Сам принцип кажется нелепым, но в действительности это — лишь иная формулировка системы простого большинства в многомандатных округах, применяемой при избрании коллегии выборщиков и на некоторых местных выборах в США. Раньше она использовалась при избрании парламентов Бельгии, Норвегии и Турции, а также австралийского сената. Трудно придумать систему, которая создавала бы большие преимущества для крупнейшей партии, особенно при большой величине округа. Со своей стороны, описанная ранее система — 1, 101, 201, 301 и т.д. — крайне невыгодна именно для крупнейшей партии и, прежде всего, при величине M , близкой к количеству участвующих в выборах партий. Тем не менее обе последовательности делителей родственны в том смысле, что их можно выразить одной общей формулой $1, 1 + d, 1 + 2d, 1 + 3d$ и т.д. При $d = 0$ получаем систему простого большинства в многомандатных округах; при $d = 1$ — метод д'Ондта; при $d = 2$ — немодифицированный метод Сен-Лаге; при $d = 100$ — приведенный выше пример системы, при которой каждой партии достается по одному месту. Хотя модифицированный метод Сен-Лаге как будто не вписывается в эту формулу, деление каждого из делителей на 1.4 дает нам последовательность 1, 2.14, 3.57, 5.00 и т.д., результаты применения которой аналогичны. Все интервалы между делителями, кроме первого, оказываются равны 1.43, т.е. приблизительно квадратному корню из двух. Есть еще так называемый метод Имперали (2, 3, 4, 5 и т.д.), который не следует путать с квотой Имперали. Этот метод также можно подогнать под общую формулу, разделив все делители на 2, так что получится 1, 1.5, 2, 2.5 и т.д.; $d = 0.5$. Метод Имперали крайне благоприятен для крупных партий.

Таблица 3 сводит все рассмотренные методы воедино как разновидности более широкого подхода. Величина округа (5) и доли полученных партиями голосов остались теми же, как и в примере, приведенном для квот. Из таблицы ясно следует, что чем меньше d , т.е. чем ближе друг к другу делители, тем больше преимущество, получаемое крупными партиями.

Таблица 3. Гипотетические распределения мест между партиями с известными долями голосов при использовании различных методов расчета

d	Места					Методы расчета
0	5	0	0	0	0	Простое большинство (1, 1, 1, 1...)
0.5	4	1	0	0	0	Имперали (1, 1.5, 2, 2.5...)
1	3	2	0	0	0	Метод д'Ондта (1, 2, 3, 4...)
«1.43»	3	1	1	0	0	Модифицированный метод Сен-Лаге (1,2.14,3.57,5...)
2	3	1	1	0	0	Метод Сен-Лаге (1, 3, 5, 7...)
3	2	1	1	1	0	Датская система (1, 4, 7, 10...)
100	1	1	1	1	1	Каждой партии — по месту (1, 101,201,301...)

Одномандатные округа как частный случай многомандатных. Большая часть литературы по избирательным системам и почти все политические конфликты по поводу их выбора исходят из противоположности системы простого большинства в одномандатных округах и ПС. Но эта противоположность — кажущаяся, ибо применение самых «пропорциональных» из рассмотренных выше правил в многомандатных округах малой величины ($M = 4, 3$ или 2) дает весьма диспропорциональные результаты, вполне сравнимые с эффектами системы простого большинства. При $M = 2$, например, только две крупнейшие партии могут претендовать на места. А что случится при применении тех же правил в округе с величиной, равной единице? Тогда любое правило, основанное на делителях, как и ЕНГ, окажется эквивалентным системе простого большинства, а ЕПГ сведется к «альтернативному голосованию» вроде системы, используемой при выборах австралийского сената. Предполагаемая фундаментальная противоположность между одномандатными и многомандатными округами оказывается, как уже давно было показано Ю. Китцинджером (Kitzinger, 1959), не столько качественной, сколько количественной.

Другие типы правил распределения мест

Хотя избирательные системы часто делят на системы простого и абсолютного большинства, с одной стороны, и ПС — с другой, существуют и другие разновидности, не лишённые весьма своеобразных характеристик.

«Персонализированная (personalized) ПС». Система, в основе которой лежит стремление сочетать преимущества простого большинства и ПС, используется в Германии (анализ этой системы можно найти в: Jesse, 1985). Каждому избирателю предоставляется два голоса, один из которых можно отдать за индивидуального кандидата, другой — за партийный список. Первый из них подается в одномандатном округе, где для достижения победы достаточно простого большинства. Второй призван обеспечить дополнительные места партиям, получившим по одномандатным округам меньше мест, чем должны были бы в соответствии с чисто пропорциональным распределением. В результате состав законодательного собрания фактически определяется голосованием по партийным спискам по единому общенациональному округу. Если выборы по одномандатным округам обеспечивают связь между избирателями и их представителями, аналогичную той, которая существует, скажем, в Великобритании, то взаимозависимость между голосами и местами в общегосударственном масштабе позволяет системе функционировать как ПС с большой величиной округа. Потому такой порядок и был назван «персонализированной ПС».

Специфическая для персонализированной ПС переменная — это *количество голосов* у каждого избирателя. Голосов может быть по два — за отдельных кандидатов и партийные списки (как в Германии и Мексике), — но наличие нескольких голосов не является необходимым логическим следствием системы. Голос может быть только один. Если в первом случае избирателю дается возможность проголосовать одновременно за две партии — например, за кандидата большой партии и за список малой (как часто происходит в Германии), то во втором он голосует за отдельного кандидата, а расчет причитающихся партиям компенсаторных мест происходит после сведения воедино данных по одномандатным округам и вычисления процентной доли каждой партии в общегосударственном масштабе. Такую форму персонализированной ПС предлагалось ввести в Великобритании, Новой Зеландии и Канаде (Lijphart 1987), где она могла бы стать средством преодоления усилившейся в последние годы диспропорциональности представительства, обусловленной использованием системы простого большинства.;

Поборники такой системы в Великобритании называют ее системой *«добавочных представителей»*, имея в виду, что она добавляет некоторое количество парламентских мест к уже существующим (см. Irvine, 1984). Но такое название нельзя считать точным, ибо оно предполагает, что «добавочные» места распределялись бы

независимо от уже существующих в соответствии с долями голосов, полученных партиями, т.е. просто добавлялись бы к общему числу мест в парламенте. В действительности, однако, в Великобритании система работала бы точно так же, как в Германии. Иными словами, эти места использовались бы для компенсации отклонений от пропорциональности, неизбежных при системе простого большинства, что потребовало бы не простого сложения мест, распределяемых в соответствии с двумя разными принципами (как предлагается в Канаде), а более сложной процедуры. Сначала на основании общего числа одномандатных округов и компенсаторных мест, приданных определенному региону (в Германии таким регионом служит вся страна) определялись бы доли мест, причитающиеся каждой партии, а затем доля выигранных партией в одномандатных округах мест *вычиталась* бы из доли мест, на которые данная партия имеет право, с целью определить полагающуюся ей компенсацию. Таким образом, реальное отличие системы, применяемой в Германии и Мексике, от предлагаемой в Великобритании сводилось бы к количеству голосов в распоряжении каждого из избирателей и величине округов, используемых при исчислении размеров компенсации. Поэтому, если уж не называть такую систему «персонализированной ПС», подходящим названием была бы «система компенсаторных представителей».

Наконец, нельзя обойти вниманием некоторые потенциальные недостатки персонализированной ПС. Наличие у каждого избирателя двух голосов открывает известный простор для манипуляций. Некоторые критики отмечают, что такой порядок позволяет двум сотрудничающим между собой партиям получить больше мест, чем могла бы партия, не имеющая союзников, при равном количестве голосов. Конечно, и другие разновидности ПС, допускающие коалиции, могут давать такой результат, но нужно учитывать, что при таких системах (например, действующей в Финляндии) голосование, если не используется панашаж, все же имеет категорический характер.

Заградительные барьеры

В некоторых избирательных системах применяется еще одна важная переменная, на которой следует остановиться. Можно установить минимальную долю голосов, или порог (threshold), который должна преодолеть партия, чтобы претендовать на представительство. Такой «порог» (его называют также барьером) вводится в ПС для того, чтобы преодолеть ее наиболее бросающийся в глаза недостаток —

отсутствие каких-либо стимулов, сдерживающих фрагментацию партий. Наиболее известным примером заградительного барьера является 5-процентный порог в Германии. Как уже отмечалось, германская избирательная система обеспечивает высокий уровень пропорциональности, поскольку каждая партия получает места в соответствии с долей поданных за нее в общенациональном масштабе голосов. Однако малые партии оказываются в весьма невыгодном положении, т.к. для получения мест в парламенте требуется либо набрать более 5% голосов в рамках страны, либо победить по меньшей мере в трех одномандатных округах. В Израиле, где величина единого общенационального избирательного округа равна 120, установлен 1-процентный порог, слишком низкий, чтобы реально сказываться на результатах. Одним из самых высоких в современной практике заградительных барьеров является 17-процентный порог, установленный в Греции в рамках так называемой усиленной ПС.

Одно из неудобств, связанных с использованием заградительного барьера, заключается в произвольности определения его высоты. Почему партия, получившая 5.1 % голосов, представлена в парламенте, а партия с 4.9 % голосов — нет? Например, во время западногерманских выборов 1969 неонацистов. Можно, однако, возразить, что высота порога определяется не более произвольно, чем величина округа, которая тоже прямо сказывается на составе представительного собрания. При введении заградительного барьера в округах большой величины они начинают функционально сближаться с небольшими округами без (или с низким) заградительного барьера. Положительный опыт Западной Германии способствовал значительной популярности идеи заградительных барьеров среди преобразователей избирательных систем. В обоих недавних случаях перехода к ПС, в Шри Ланке и во Франции (1986), соответствующие положения были включены в новые законы о выборах.

История изучения избирательных систем

Писать историю изучения избирательных систем крайне сложно, так как многое по этому вопросу уже сказано в двух весьма информативных статьях А. Лейпхарта (Lijphart, 1984a; 1985). За дополнительной информацией по истории данного исследовательского направления можно обратиться к названным статьям, прежде всего к статье, опубликованной в 1985 г. в журнале «Электоральные исследования». Точка зрения Лейпхарта состоит в том, что направление является недостаточно развитым, особенно

если учесть нехватку значительной в теоретическом плане литературы, в первую очередь, монографий. В настоящем обзоре мы исходим из несколько иного видения. Помимо нескольких монографий, мы остановимся на некоторых важных статьях, ибо одним из признаков недоразвитости исследовательского направления служит как раз отсутствие крупных разработок, за исключением ряда небольших статей, часто не связанных друг с другом.

Философская и концептуальная литература

Мы начнем свой обзор с предложений Т.Хэра (Hare, 1859) относительно избирательной реформы в Великобритании и Ирландии. Стимулом к выдвижению такого рода предложений стали идеи Дж. С.Милля, и именно работа последнего «Соображения о представительном правлении» (Mill, 1862) послужит для нас отправной точкой.

Милль выступал против географического принципа представительства, характерного для системы простого большинства, особенно когда тот сочетается с одномандатными округами. Но в большинстве разновидностей ПС тоже используются округа, хотя обычно они больше, чем при плюральной системе. Милль доказывал, что главное для законодателей — общенациональные проблемы, а значит, и выборы надо проводить, исходя из соответствия отстаиваемых кандидатами позиций по таким проблемам взглядам большинства избирателей. Стало быть, любой порядок, ограничивающий выбор избирателя кругом кандидатур, по стечению обстоятельств выдвинутых в данном округе, далек от идеала представительной избирательной системы.

Система Хэра, которую рекомендовал Милль, в сущности, соответствовала современной системе единого переходящего голоса (ЕПГ). Поскольку ЕПГ гарантирует перевод голосов, излишних или недостаточных с точки зрения установленной квоты, Милль характеризовал ее как способ дать каждому из победивших кандидатов собственный округ, равный по величине всем остальным, причем в этом округе победу кандидата можно рассматривать как результат единого волеизъявления избирателей. Вместо того, чтобы быть «представленными» кандидатом, за которого они не голосовали, избиратели получают возможность объединять свои голоса с голосами единомышленников, где бы те ни находились.

Очевидно, что организационные сложности, связанные с реализацией ЕПГ в едином общенациональном округе, были бы

огромны. Страны вроде Израиля или Нидерландов, где действительно используются общенациональные округа, прибегают к списочной ПС. В условиях ЕПГ, избирателям не только пришлось бы накапливать информацию о сотнях или даже тысячах кандидатов, но и справляться с проблемой их ранжирования по предпочтениям. Этим и объясняется то, что на самом деле ЕПГ используется в основном в малых округах.

Будучи скорее философским трактатом, чем эмпирическим исследованием, работа Милля важна потому, что пришедшее вслед за ним «первое поколение» ученых-эмпириков сразу же включилось в спор о сравнительных достоинствах англо-саксонской системы простого большинства и пропорциональной системы.

В книге К. Хоуга и Дж. Хэллета, названной просто «Пропорциональное представительство» (Hoag и Hallet, 1926), приводились многочисленные примеры потенциальных аномалий, к которым способно привести использование системы простого большинства в многомандатных и одно, мандатных округах. В частности, было показано, что самая сильная партия может вообще не получить представительства из-за того, что поддерживающие ее избиратели рассредоточены по всем округам, в то время как малые партии с территориально сконцентрированными базами поддержки получают все места в парламенте. Большое внимание было уделено «пустой трате» голосов при плюральной и мажоритарной системах. Книга Хоуга и Хэллета, хотя и была эмпирической по форме изложения материала, но при этом отличалась исключительной тенденциозностью, превознося ПС и, особенно, ЕПГ. Согласно Хоугу и Хэллету, даже «худшая» из разновидностей ПС (списочная) при всех условиях превосходила самую «лучшую» из мажоритарных систем («альтернативное голосование»), но самой лучшей избирательной системой из всех возможных безоговорочно объявлялась ЕПГ.

Понять особенности их подхода позволяет уже простое перечисление подзаголовков главы «Преимущества ПС»: «Единогласность», «Правление большинства» (если уж не большинства избирателей, то в любом случае — коалиции, представляющей большинство законодателей), «Представительство меньшинств», «Отсутствие джерримендеринга», «Представительство неорганизованных групп», «Устранение стимулов к прямому политическому действию» (имеется в виду, что гражданские беспорядки — это прямое следствие старых «нечестных избирательных правил»), «Независимость представителей», «Выбор кандидатов, исходя из их политических позиций», «Лучшая атмосфера избирательных кампаний», «Более

достойные законодатели», «Отсутствие первичных выборов».

Книга Хоуга и Хэллета увидела свет в США, отсюда ссылка на первичные выборы (которые не проводятся в Великобритании) и предложение принять ПС для избрания коллегии выборщиков. Значение работы состоит в том, что она позволяет проследить раннюю историю движения за пропорциональное представительство и оценить воистину миссионерский пыл поборников избирательной реформы в эпоху, когда основное внимание было сосредоточено на событиях местного масштаба. Полезно также приложение к книге, в котором с указанием дат введения перечислены государственные органы всех уровней, избираемые на основе ПС и ЕПГ, равно как и общественные организации, которые используют данные системы. Этот список действительно охватывает весь мир и содержит даты принятия ПС даже в таких странах, как Армения, Латвия, Литва, Моравия и Эстония.

В том же ключе выполнена работа Э. Лейкмэна и Дж. Ламбера «Голосование в демократиях» (Lakeman и Lambert, 1955), переизданная позднее одним из авторов под названием «Как демократии голосуют?» (Lakeman, 1974). В книге отстаивается ЕПГ и предложен образец закона о выборах, на основе которого можно было бы применять эту систему. Хотя основные послышки рассматриваемой книги — те же, что и в работе Хоуга и Хэллета, более поздняя публикация позволила авторам отразить опыт межвоенных демократий и выразить свое мнение по поводу голословного утверждения, что основной причиной их краха послужила ПС. В этом смысле книга представляет собой ответ на труды, возможно, самого яростного критика ПС — Ф. Херменса.

Херменс озаглавил свою книгу «Демократия или анархия?» (Hermens, 1941). Смысл его критики ПС состоял в том, что, поощряя возникновение многочисленных мелких партий, она ведет к анархии, а в конечном счете — к диктатуре. ПС была противопоставлена британская электоральная модель, обеспечивающая, по мнению автора, устойчивую двухпартийную систему и правительственную стабильность. Формулируя свои выводы, Херменс исходил главным образом из германского опыта, приведшего в 1933 г. к установлению нацистской диктатуры, и доказывал, что своевременная электоральная реформа полностью предотвратила бы нацистскую угрозу Веймарской республике.

Выше мы рассмотрели некоторые наиболее важные — хотя далеко не все — работы, внесшие вклад в полемику между сторонниками системы простого большинства и адвокатами ПС (или, скорее, ЕПГ, поскольку более распространенная списочная ПС никогда не отстаивалась с тем же пылом). К сожалению, и сегодня значительная

часть литературы по проблеме написана в той полемической струе, что крайне негативно сказывается на состоянии сравнительного изучения избирательных систем.

Первой действительно конструктивной работой по интересующей нас проблематике стала книга М. Дюверже «Политические партии» (Duverger, 1963; впервые опубликована в 1951 г., первое английское издание — в 1954 г.), где были подняты вопросы, по сей день находящиеся в центре внимания нового поколения более научно ориентированных исследователей. Дюверже считал, что мир политики по самой своей природе дуалистичен.

Система простого большинства усиливает этот дуализм, заставляя избирателя выбирать между двумя основными партиями, в то время как ПС подрывает его, расширяя спектр политического выбора и поддерживая многопартийную систему. К числу наиболее важных из поставленных Дюверже вопросов относятся два, касающиеся различия между плюральными системами и ПС: Каким образом сказываются на партийных системах изменения избирательных систем? В какой мере так называемые психологические эффекты избирательных систем отражаются на поведении избирателей?

Складывается впечатление, что в подавляющем большинстве опубликованных с конца 1950-х годов работ по избирательным системам обсуждаются именно эти фундаментальные вопросы. Исследуя воздействие на партийную систему перехода к ПС, Дюверже провел сравнение исторических судеб либеральных партий Великобритании и Бельгии начала столетия. Если в Великобритании, где продолжала использоваться система простого большинства, либеральная партия утратила свое положение одной из основных партий страны (т.е. партий, способных сформировать правительство), то в Бельгии либералы были «спасены» введением ПС.

Хотя есть некоторые сомнения по поводу того, в какой мере использование ПС или системы простого большинства объясняет количество партий в стране, взаимосвязь между плюральными системами и двухпартийностью, с одной стороны, и ПС и мультипартийностью, с другой, прослеживается весьма отчетливо. Именно благодаря Дюверже и более поздним переосмыслениям его заключений, внимание исследователей к этим взаимосвязям не угасает и по сей день.

Дюверже вывел закономерность, известную под названием «закона Дюверже». Состоит она в том, что система простого большинства в одномандатных округах ведет к двухпартийной системе. В своем весьма содержательном обзоре литературы, посвященной данному «закону», У.Райкер выделяет еще и «гипотезу Дюверже», согласно

которой ПС связана с многопартийностью (Riker, 1982a).

В основе этого почти что «социологического закона», как сам Дюверже определил зафиксированную им взаимосвязь, лежит исторически длительный процесс: партия, оказывающаяся на третьем (или более низком) месте по числу голосов, обычно получает диспропорционально мало мест в парламенте (Дюверже называл это «механическим эффектом» избирательной системы); со временем избиратели начинают сознавать, что отдавать свои голоса такой партии — значит тратить их впустую, и перестают за нее голосовать. Так, с точки зрения Дюверже, проявляется «психологический эффект» избирательной системы.

Одним из первых критиков Дюверже был Дж.Грамм (Grumm, 1958). Проведя сравнительный анализ опыта Великобритании, Германии, Дании и Норвегии, Грамм усомнился в том, что одномандатные округа непременно способствуют «поляризации». В имперской Германии, например, численность партий возрастала и при использовании одномандатных округов (правда, там голосование проходило в два тура), а применявшаяся в Веймарской республике ПС в действительности допускала представительство меньшего количества партий, чем старая система, что опровергает тезис о взаимосвязи между одномандатными округами и недопредставленностью малых партий. Согласно заключению Грамма, партийная система вообще предшествует избирательной: в странах с уже сложившейся мультипартийностью ПС принималась именно для того, чтобы устранить наиболее кричащие несоответствия между долями голосов и количествами мест, превращавшие избирательную борьбу в «орлянку» с практически непредсказуемыми результатами.

Аргументацию Грамма делает менее убедительной тот факт, что при анализе одномандатных округов ученый не проводит различия между мажоритарной системой с двумя турами голосования и системой простого большинства. С появлением третьей партии британская партийная система действительно стала напоминать описанную Граммом «орлянку» (см. Bogdanor, 1981), и в 20-х годы в стране широко обсуждалась перспектива введения ПС. Однако плюральная система не сдала позиций, и двухпартийность сохранилась. Но, несмотря на небезупречность позиции Грамма, подход, согласно которому «избирательные системы служат лишь выражением глубинных социальных факторов» (Eckstein, 1963), по-прежнему представлен в литературе.

Предпринималась и попытка разработать теорию, объясняющую выбор избирательных систем на основе экономической модели затрат и прибылей. Д.Квинтэл (Quintal, 1970) предположил, что

выбор законодателей в пользу той или иной избирательной системы можно предсказывать, исходя из систематического анализа «законодательных затрат», т.е. отношения мест к голосам, и «непредвиденных затрат», связанных с процессом принятия Решений, воздействием на избирателей и на другие партии и т.д.

Изучение факторов, объясняющих многообразие применяемых в мире избирательных систем, считал приоритетной областью сравнительной политологии и С.Роккан (Rokkan, 1970). Его собственным вкладом в разработку этой проблематики стало определение двух основных причин перехода к ПС. Исторически первой из них была защита меньшинств, или, с точки зрения пошедших на реформу избирательной системы правящих кругов, защита национального единства перед лицом возможного бунта недопредставленных групп. Эта причина позволяет объяснить самые ранние случаи перехода к ПС, например в Бельгии (1899 г.). Второй причиной послужило расширение избирательного права: под нажимом рабочих партий традиционные партии шли на введение всеобщего избирательного права, но при этом принимали ПС, пытаясь гарантировать собственные позиции в законодательных органах перед лицом новых избирателей, склонных голосовать за социалистов (Rokkan, 1970, с. 157). А. Лейпхарт (Lijphart, 1985) отмечает и третью причину — подражание. Принятая сначала в нескольких странах, ПС начала как инфекция распространяться по свету.

Так называемый психологический эффект, выделенный Дюверже в качестве основной причины политической поляризации в условиях одномандатных округов, тоже вызвал активное обсуждение и споры в литературе. У. Шивли (Shively, 1970) проанализировал изменения в долях голосов, полученных британскими либералами на нескольких следовавших друг за другом выборах, и пришел к выводу о незначительности такого эффекта. Однако Д.Спаффорд (Spafford, 1972), разделив округа на две группы — те, где избиратели либералов могли воздействовать на исход выборов путем голосования за одну из основных партий как за меньшее из двух зол, и те, где разрыв между двумя основными партиями был слишком велик, так что добавочные голоса все равно ничего не решали, — обнаружил, что психологический эффект весьма значителен и может побуждать избирателей голосовать «стратегически».

С. Фишер (Fisher, 1973) проверил силу психологического эффекта на особо показательном примере Западной Германии. Напомним, что в этой стране избиратели одновременно голосовали за кандидата в одномандатном округе и за общенациональный партийный список.

Фишер задался вопросом: голосуют ли избиратели, поддержавшие список малой партии — Свободных демократов, — за кандидатов этой партии в одномандатных округах? Выяснилось, что в трех проанализированных выборах Свободные демократы теряли от 13 до 38 % своих сторонников при переходе от голосования за список к голосованию за отдельных кандидатов. В то же время для крупных партий такие потери составляли самое большее 7%. Явное нежелание избирателей поддерживать кандидатов «третьей партии» в одномандатных округах заставило исследователя заключить, что психологический эффект сказывается и в Германии.

Дж.Сартори (Sartori, 1968) первый обратил внимание на то, что психологический эффект, ограничивающий количество партий, может проявляться и в условиях ПС. Он разместил все избирательные системы вдоль континуума, на одном конце которого находились выборы в одномандатных округах («сильные» системы), а на другом — ПС с округами большой величины («слабые» системы). Системы с величиной округов от одного до примерно пяти были названы «сильными» именно потому, что они оказывают давление на избирателей и партийных лидеров, создавая стимулы к сокращению числа партий. Особый интерес для Сартори представляла сознательная «политическая инженерия», т.е. выбор таких избирательных систем, которые помогали бы преодолеть присущие молодым демократиям центробежные тенденции. В отличие от Дюверже, Сартори не приписывал ПС тенденции к умножению числа партий. По мнению ученого, ПС лишь ослабляет противовесы этой тенденции, присущие системе простого большинства, но не чуждые и самой ПС в той мере, в какой она содержит «непропорциональные» элементы (главным образом, малую величину округов).

В своей недавней работе Д.Нолен (Nohlen, 1984) выразил несогласие с предпринятой Сартори попыткой выстроить континуум избирательных систем. Как и многие до него, Нолен считает принципы простого большинства и пропорционального представительства несовместимыми друг с другом. Признавая существование промежуточных вариантов, Нолен в то же время отстаивает биполярную модель, так как она, по его мнению, принимает во внимание противоположность мотивов, стоящих за этими системами. Поэтому классифицировать избирательные системы нужно исходя из степени их соответствия тем принципам, которые положены в их основу. Нолен отмечает, что ПС вовсе не задумывалась как система, лишенная специфических эффектов. Напротив, ее принятие всегда преследовало определенные социально-политические цели; в конституциях многих стран

специально оговаривается использование ПС при выборах законодательных собраний.

Различие между классификациями Сартори и Нолен отражает более глубокие теоретические разногласия, вызванные к жизни работой Дюверже. В какой бы мере Сартори ни расходился с Дюверже, их обоим де всего интересуют воздействие избирательных систем на политическую жизнь. С точки зрения Дюверже, ПС способствует росту числа партий в дуалистическом мире политики, в то время как система простого большинства, с ее механическими и психологическими эффектами, лишь усиливает этот дуализм. С точки зрения Сартори, менее пропорциональные системы могут сдерживать центробежные тенденции в политических единицах, тогда как ПС в данном отношении нейтральна. Нолена же, подобно Грамму и Квинтэлу, интересуют конкретные цели, ради которых была принята та или иная избирательная система, а также мера соответствия результатов этим целям.

В сущности, Дюверже и Сартори исходят из воздействия избирательных систем на политику, а Грамм, Нолей и Квинтэл — из воздействия политики на избирательные системы. И те, и другие правы ровно настолько, насколько они не склонны к абсолютному отрицанию противоположной позиции. На самом деле, постановка вопроса по принципу «или — или» здесь неуместна. Политика и избирательная система взаимодействуют сложным, обоюдным образом.

Мы подходим к заключению нашего обзора философской и концептуальной литературы по сравнительному изучению избирательных систем. Хотя этот обзор и не был полным, он все же позволяет понять, как изучение избирательных систем шло от политически ангажированной полемики, основанной на различных философиях представительства, к более осознанно научным спорам, стимулом к которым послужила работа Дюверже, и к современным дебатам по поводу того, какая классификация избирательных систем лучше соответствует целям эмпирического анализа. Теперь обратимся к тем немногим крупным работам, которые основаны на систематическом анализе кросснациональных данных и направлены на развитие теоретических представлений о причинах и следствиях избирательных систем и отдельных переменных, входящих в их состав.

Анализ кросснациональных данных

Важной вехой в сравнительном изучении избирательных систем послужила работа Д.Рэ «Политические следствия избирательных

систем» (Rae, 1967; переиздание с дополнительной главой — 1971). Хотя, — что вполне естественно, когда имеешь дело с «недоразвитым» исследовательским направлением, — далеко не все из сформулированных Рэ дефиниций и выводов получили развитие в работах других авторов, во многих отношениях Рэ удалось определить пути дальнейших исследований.

Основная проблема, которой посвящена книга Рэ, — воздействие избирательных систем на межпартийное соревнование. Автора главным образом интересовали «проксимальные» эффекты, т.е. поддающиеся объяснению, исходя из правил перевода голосов в места без привлечения дополнительных переменных. Ученый, однако, не обошел вниманием и «дистальные» эффекты, сказывающиеся на партийных системах и на политической жизни вообще в долгосрочном плане, но обусловленные воздействием многих переменных, в том числе и не имеющих отношения к избирательной системе.

Рэ выделял три фазы перевода голосов в места — составление бюллетеня, нарезку округов и собственно выбор избирательной системы. Каждой из этих фаз соответствовала определенная переменная. Так, применительно ко второй фазе именно Рэ предложил термин «величина округа» для отображения числа распределяемых в округе мест, в отличие от других возможных значений «размеров округа». Работа Рэ отличалась от более ранней литературы еще и в том смысле, что, исследуя избирательные системы, ученый не ограничился выделением плюрального и пропорционального представительства, а подверг систематическому анализу всевозможные разновидности плюральных и мажоритарных систем, с одной стороны, и ПС — с другой.

Однако, прежде чем обсуждать различия между отдельными электоральными формулами, Рэ указал на ряд черт, присущих всем типам избирательных систем. Некоторые из этих черт никогда прежде детально не анализировались. Например, все избирательные системы, как правило, обеспечивают своеобразную «премию» партии, набравшей наибольшее число голосов. Это и есть тот «элемент непропорциональности», о котором писал Сартори, но именно Рэ впервые его измерил. Средняя величина «бонуса» крупнейшей партии оказалась равна 3.8 %. Сходным образом, выяснилось, что оба основных типа избирательных систем содержат в себе тенденцию к образованию «искусственного большинства» на деле, большинство в законодательном собрании чаще всего является следствием избирательной системы, а не волеизъявления избирателей. Рэ отметил, что данное обстоятельство обычно упускается из виду в нормативных теориях демократии, которые,

исходя из неправильной интерпретации британского опыта, постулируют мажоритарный характер демократического правления. Несмотря на то, что важность такого показателя, как количество мест, распределяемых в округе, была признана задолго до Рэ, в 1967 г. (как, впрочем, и сейчас) было необходимо еще раз подчеркнуть его значение. Используемые Рэ данные позволили продемонстрировать, что величина округа воздействует на пропорциональность сильнее, чем электоральная формула, однако предложенный ученым способ операционализации данного показателя небесспорен. Чтобы получить показатель по стране в целом, Рэ просто высчитывал среднюю величину округа. Но такой метод, особенно когда использовалась сложная процедура распределения мест, вел к занижению величины, ибо в подобных ситуациях на пропорциональность системы влияет прежде всего распределение мест на самом высоком (общенациональном) уровне. Недостатки описанного метода наиболее заметны на примере Западной Германии. Средняя величина округа для Германии, согласно расчетам Рэ, равнялась примерно 2, в то время как в действительности, учитывая высокую степень пропорциональности принятой там «смешанной системы», показатель должен был бы быть гораздо выше.

Из работ аналогичного плана, опубликованных после выхода в свет монографии Рэ, наиболее амбициозной стала, пожалуй, книга Р. Каца «Теория партий и избирательных систем» (Katz, 1989). Кац интересуется не только последствия избирательных систем для межпартийного соревнования, но и внутрипартийные отношения, а также проблема, поставленная Рэ в конце второго издания его книги: «Как избирательные системы сказываются на поведении отдельных политиков?» Для решения этих взаимосвязанных задач Кац добавляет к выделенным Рэ трем переменным еще одну — преференциальное голосование за кандидатов от одной партии. Таким образом, книга Каца представляет собой существенный шаг вперед в развитии сравнительных электоральных исследований.

Кац строит свою теорию дедуктивно, исходя из допущения, что поведение кандидатов на выборные должности рационально и основано на стремлении быть избранными или переизбранными. При этом используется узкое определение партии как объединения таких рациональных индивидов. Теория позволяет предсказывать поведение политических партий при наличии или отсутствии преференциального голосования.

В дополнение к «экстенсивному тесту», представляющему собой статистический анализ большого массива кросснациональных данных, ученый проводит и «интенсивное тестирование» партийных

и избирательных систем Великобритании, Ирландии и Италии. Эти «тесты» подтверждают выведенные Кацем из своих теоретических посылок гипотезы, наиболее важная из которых состоит в том, что пропорциональное представительство способствует более экстремистским позициям по политическим проблемам. В основе данной гипотезы лежит допущение (из аналогичного допущения исходил также Э. Дауне — Downs, 1957), согласно которому в двухпартийных системах идеологические позиции партий постепенно сближаются, в то время как многопартийность в сочетании с ПС побуждает партии акцентировать свои отличия как от более правых, так и от более левых соперников (при этом предполагается, что шкала идеологических различий имеет одномерный характер).

Наиболее важные заключения Каца, выведенные из его дедуктивной теории и проверенные на материале трех стран, можно обобщить следующим образом. Преференциальное голосование за кандидатов от одной партии способствует меньшей сплоченности партий, особенно при условии, что обновление законодательного корпуса происходит в основном за счет смены состава партийных фракций, а не соотношения сил между ними. Далее, такая система побуждает к организации нескольких кампаний силами одной и той же партии, ибо ее кандидаты соперничают не только с представителями других партий, но и между собой. При малой величине округов, — к сожалению, Кац трактует этот показатель как обозначающий численность населения округа, а не только количество распределяемых там мест — преференциальное голосование за кандидатов от одной и той же партии заставляет законодателей ориентироваться на личных сторонников, а также уделять большое внимание работе в округах (Ирландия). При большой величине округов такая система побуждает их опираться на местные группы интересов, чтобы иметь доступ к ведущим средствам массовой информации (Италия).

Большую по сравнению с Италией сплоченность британских партий, т.е. более сильную приверженность их сторонников официальной партийной линии, Кац связывает с отсутствием внутрипартийного соперничества на выборах в сочетании с избирательной системой, не поощряющей идеологический экстремизм. Тот факт, что ирландские партии, вопреки преференциальному голосованию за кандидатов от одной партии, остаются сплоченными, ученый объясняет тем, что малая величина округов и ординальный бюллетень перемещают акцент избирательной кампании с идеологии на проблемы местного и частного значения. В Италии, напротив, роль идеологии усиливается за счет ПС, а это ведет к фракционности.

Принимая во внимание результаты двух исследований, в которых независимой переменной, объясняющей сплоченность партий, служит характер взаимоотношений между исполнительной и законодательной властями, а не избирательная система (Epstein, 1967; Ozbudun, 1970), выводы Каца о низкой сплоченности итальянских партий по сравнению с британскими кажутся несколько преувеличенными. Кроме того, в Италии преференциальное голосование не является обязательным, причем избиратель может отдать свое предпочтение сразу нескольким кандидатам от одной и той же партии. При отсутствии данных по дополнительным случаям, вроде панашажа или «квазисписочной системы», трудно определить, являются ли наблюдаемые эффекты следствием преференциального голосования как такового или структуры бюллетеня. Тем не менее гипотезы Каца во многом определяют пути дальнейшего изучения преференциального голосования, которому до сих пор уделялось мало внимания в компаративистике.

Хотя блестящая работа А.Лейпхарта «Демократии» (Lijphart, 1984) посвящена гораздо более широкому кругу проблем, чем избирательные системы, одна из глав работы целиком отводится этой тематике, а в некоторых других рассматривается вопрос о том, как развитие электоральных исследований может способствовать лучшему пониманию политики в целом. В свое время Рэ (Rae, 1967, с. 146) отметил три направления дальнейшего исследования электоральной проблематики: (1) назад во временном плане, к анализу развития избирательных систем; (2) вглубь, к лучшему пониманию обусловленных ими особенностей политического поведения; (3) вовне, к изучению их воздействия на политику в целом. Первое из этих направлений привлекло внимание Роккана, о работе которого мы говорили выше (Rokkan, 1970). Кац избрал второе, в книге же Лейпхарта рассматривается третье, и именно поэтому она является важным вкладом в сравнительное изучение избирательных систем.

На основе анализа данных по 21 стране Лейпхарт приходит к выводу о справедливости «закона Дюверже» в его «уточненной» форме, которую ученый формулирует следующим образом: «Чем менее строгой (т.е., чем более пропорциональной) является избирательная система, тем большим будет число партий» (Lijphart, 1984, с. 159). Развивая подход Рэ, Лейпхарт заключает, что и пропорциональные, и плюральные системы обеспечивают «бонус» партиям, ведущим по числу голосов. В результате часто складывается «искусственное большинство». И правда, ни одно из послевоенных правительств Великобритании не пользовалось поддержкой большинства избирателей. Хотя ПС также способна фабриковать «искусственное

большинство», это происходит гораздо реже, чем при системе простого большинства.

Кроме того, в работе Лейпхарта можно найти анализ проблемных позиций как основы межпартийного соперничества и правительственной стабильности, что позволяет установить связь между избирательными системами и политической жизнью в целом. Выдвинутые Лейпхартом идеи относительно роли проблемных позиций создают также фундамент для дальнейшей работы на первом из выделенных Рэ направлений, позволяя включить эмпирическое изучение избирательных систем в анализ генезиса партийных систем более систематически, чем это могли сделать С. Липсет и С. Роккан (Lipset и Rokkan, 1967).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это — главная посылка исключительно важной статьи Дж.Сартори, «Политическое развитие и политическая инженерия» (Sartori, 1968).
2. В некоторых работах понятия «округ» и «участок» используются иначе; определения зависят исключительно от авторов, а читателю остается лишь запоминать, что именно имеется в виду. Скажем, Д.Нолей (Nohlen, 1984a) называет то, что мы зовем округом, «общиной», а то, что мы зовем участком — «округом».
3. Название «квазиординальный» используется потому, что избиратель не имеет возможности ранжировать всех кандидатов, внесенных в бюллетень, как предполагается при действительно ординальном голосовании. И все же такой порядок имеет скорее ординальный, чем категорический характер; его можно было бы расположить примерно в середине континуума структур бюллетеня. Подробнее о преференциальном голосовании за кандидатов от одной и той же партии см.: Katz, 1986.

Московский Общественный Научный Фонд